

Рудольф Штайнер

Основные пункты социального вопроса в жизненных необходимостях настоящего и будущего

Rudolf Steiner

Die Kernpunkte der Sozialen Frage in den Lebensnotwendigkeiten der
Gegenwart und Zukunft

ПРЕДИСЛОВИЕ И ВВЕДЕНИЕ К ИЗДАНИЮ 1920 ГОДА

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ЦЕЛИ НАСТОЯЩЕЙ КНИГИ

I. ИСТИННЫЙ ОБРАЗ СОЦИАЛЬНОГО ВОПРОСА, КАК ОН
РАСКРЫВАЕТСЯ В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

II. КАК ПОДОЙТИ К РЕШЕНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ВОПРОСА НА ОСНОВЕ
ПОДЛИННЫХ ЗАПРОСОВ И ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ
ЖИЗНИ

III. КАПИТАЛИЗМ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕИ (капитал, человеческий труд)

IV. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОРГАНИЗМОВ

ПРИМЕЧАНИЯ

ОБ АВТОРЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ И ВВЕДЕНИЕ К ИЗДАНИЮ 1920 ГОДА

Если к задачам, которые ставит перед нами современная социальная жизнь, мы захотим подойти с мыслью о какой-либо утопии, то неизбежно впадем в заблуждение. Можно, руководствуясь определенными взглядами и ощущениями, поверить, что те или иные социальные институты, основывающиеся на определенных идеях, должны осчастливить человечество; эта вера может приобрести покоряющую силу убеждения; и тем не менее, утверждая такую веру, мы так и не поймем, что на самом деле означает для нашей эпохи "социальный вопрос".

Сказанное можно даже довести, по-видимому, до абсурда, и все же оно останется верным. Предположим, что кто-либо обладает теоретически безупречным

"решением" социального вопроса - и тем не менее, если он пожелает навязать человечеству это выдуманное им "решение", предлагаемые им меры могут оказаться совершенно непрактичными. Ибо мы живем уже не в такой эпохе, когда позволительно было думать, что таким способом можно что-то устроить в общественной жизни. Душевный настрой современных людей не таков, чтобы они могли сказать: "Посмотрите, вот человек, который знает, какое нам нужно социальное устройство. Как он думает, так мы и сделаем".

Современные люди совершенно не приемлют социальных идей в такой утопической форме. Настоящая книга, которая получила уже довольно широкое распространение, считается с этим фактом. Те, кто приписывали ей характер утопии, не поняли ее основной цели. Больше всего говорили об этом те, кто сами способны мыслить только утопически. Они видят у другого то, что является существенной чертой их собственных навыков мышления.

Человека, мыслящего практически, общественная жизнь научила, что с помощью утопической идеи, как бы она ни казалась убедительной, ничего нельзя достигнуть. Тем не менее многие еще и теперь считают, что, например, в области экономики они должны обращаться к своим согражданам с подобного рода идеями. Им надо убедиться, что они лишь понапрасну тратят слова. Их сограждане ничего не могут сделать с тем, что они им проповедуют.

К сказанному надо и относиться как к опыту. Ибо в этом находит свое выражение важный факт современной общественной жизни: оторванность от жизни идей по сравнению, например, с требованиями экономики. Но можно ли надеяться справиться с запутанным состоянием общественной жизни, если подходить к ней с таким оторванным от жизни мышлением?

Такой вопрос не может понравиться, потому что он заставляет признаться в мышлении, далеком от жизни. И тем не менее без такого признания мы не подойдем к "социальному вопросу". Только, признав эту оторванность мышления от жизни серьезным фактором всей современной цивилизации, можно придти, наконец, к ясному сознанию того, что же действительно нужно для социальной жизни.

Такой подход приводит нас прежде *всего* к вопросу об организации духовной жизни. В современном человеке духовная жизнь развивается в формах, в высшей степени зависящих от государственных учреждений и экономических влияний. Человек уже с детства отдается на воспитание и обучение государству. И он может получить только такое образование, которое позволяют экономические условия той среды, где он вырастает.

Напрашивается мысль, что именно в силу этого человек должен был бы оказаться хорошо приспособленным к условиям современной жизни. Ибо государство имеет возможность все воспитательные и учебные заведения, а тем самым существенную часть всей духовной жизни общества, устроить так, чтобы они наилучшим образом служили человеческому сообществу. И столь же легко предположить, что человек становится наилучшим членом этого сообщества, если он воспитывается и обучается в духе экономических условий той среды, где он вырастает, и в силу этого становится как раз на то место, какое предудказано ему

этими экономическими условиями.

Эта книга должна взять на себя малопопулярную в наше время задачу: показать, что запутанность нашей общественной жизни происходит как раз вследствие этой зависимости духовной жизни от государства и от экономики. Она должна показать, что освобождение духовной жизни от этой зависимости составляет главную часть столь жгучего в наше время социального вопроса..

Тем самым эта книга выступает против широко распространенных заблуждений. С давних пор принято считать чем-то спасительным для прогресса человечества, если государство берет на себя дело воспитания. А социалистически настроенные люди вообще не могут себе представить ничего другого, кроме такого порядка, когда государство воспитывает всех и каждого на служение себе и по своим правилам.

Людям нелегко усвоить взгляд, который в этом вопросе ныне безусловно необходим. Дело в том, что в ходе исторического развития человечества то, что прежде было правильным, может позднее стать заблуждением. Так, для подъема общественных отношений новейшей эпохи было необходимо, чтобы дело воспитания и вместе с тем вся духовная жизнь общества была изъята из тех кругов, которые ведали этим в средние века, и была передоверена государству. Но дальнейшее сохранение такого положения является тяжелой социальной ошибкой.

Об этом и говорится в первой части настоящей книги. Ныне у духовной жизни внутри государственных форм возросла тяга к свободе, но она не может правильно жить в условиях свободы, если ей не будет дано полного самоуправления. Духовная жизнь современности по самому своему существу требует свободы стать совершенно самостоятельным членом социального организма. Управление делом воспитания и обучения, из которого, собственно, вырастает вся духовная жизнь, должно быть передано в руки тех, кто сами воспитывают и обучают. Никакие силы, действующие в государстве и в экономике, не должны вмешиваться в это управление ни идеями, ни властью. Каждый преподаватель должен тратить на свою преподавательскую работу лишь столько времени, чтобы он мог в своей области участвовать также и в управлении. Тогда и в управление воспитанием и обучением он будет вносить то, что он вносит в самое воспитание и обучение. Никто, не занятый одновременно живым делом преподавания, не будет давать ему никаких предписаний. Никакой парламент и никакое лицо, которое, может быть, некогда и преподавало, но в настоящее время этим не занимается, не будет здесь иметь права голоса. То, что познается в живом опыте преподавания, будет вноситься и в управление им. Естественно, что в таких учреждениях будут в наивысшей степени проявляться конкретность и профессиональные знания.

Разумеется, можно возразить, что и в таком самоуправлении духовной жизнью не все окажется совершенным. Но ведь в действительности это вовсе и не требуется. Можно стремиться только к тому, чтобы осуществлялось наилучшее из возможного. Способности подрастающего ребенка действительно послужат на благо общества, если их развитием займется тот, кто может принимать свои решения, руководствуясь только побуждениями духовного, а не государственного или экономического порядка. Решение о том, до какого уровня и в каком

направлении следует вести обучение того или иного ребенка, можно доверить только свободному духовному сообществу. И что надо делать, чтобы это решение выполнить наилучшим образом, тоже может определяться только таким духовным сообществом. От него только могут и государство и экономика получать такие силы, которые они никогда не смогут получить, если будут сами формировать духовную жизнь людей, руководствуясь своими интересами.

Из положений настоящей книги вытекает также, что руководители свободной духовной жизни будут вести устройством и учебным содержанием также и в учебных заведениях, непосредственно обслуживающих государство и экономику. Юридические и торговые школы, сельскохозяйственные и промышленные учебные заведения должны также находиться в ведении учреждений, принадлежащих к духовному члену социального организма. Эта книга вызовет множество возражений, когда из ее положений будет сделан такой - совершенно правильный - вывод. Однако посмотрим, откуда берутся эти возражения. Мы легко распознаем их антисоциальный характер, если поймем, что они в основном опираются на неосознанное убеждение, будто педагоги - это всегда оторванные от жизни, непрактичные люди. От них нельзя и ждать, что они способны создать учреждения, хорошо обслуживающие практические области жизни. Такие учреждения должны, якобы, создаваться теми, кто сами находятся в гуще практической жизни, а педагоги должны лишь следовать указаниям, которые им даются.

Тот, кто так думает, не видит, что воспитатели, не имеющие возможности самостоятельно определять, начиная от мелочей и до главного, направление и принципы своей работы, именно поэтому и становятся непрактичными людьми, оторванными от жизни. Получая указания от, быть может, весьма практичных людей, они тем не менее не смогут воспитать подлинных практиков. Антисоциальные явления в нашей жизни происходят оттого, что в ней действуют люди, не получившие воспитания социальных чувств. А оно возможно лишь там, где делом воспитания и обучения руководят и управляют люди, сами обладающие развитым социальным чувством. Нам никогда не разрешить социального вопроса, пока вопросы воспитания и духовной жизни не будут признаны существенной его частью. Антисоциальные явления порождаются не столько самими экономическими учреждениями, сколько тем, что люди, действующие в этих учреждениях, поступают антисоциально. Антисоциальным является сам тот факт, что воспитание и обучение молодежи поручается людям, которые отрываются от жизни именно потому, что направление и содержание их педагогической работы дается им извне.

Государство, руководя юридическими учебными заведениями, требует, чтобы в них преподавалась та юриспруденция, принципы которой оно само, исходя из своих целей, кладет в основу свое" конституции и деятельности. Учреждения же, полностью создаваемые свободной духовной жизнью, будут из самой этой духовной жизни черпать содержание юридических наук. Государству надлежит ожидать поручений, исходящих от свободной духовной жизни. Его деятельность будет оплодотворяться живыми идеями, которые могут возникать только в условиях такой духовной жизни.

В самой духовной жизни будут действовать люди, врастающие, каждый своей профессией, в практику жизни. К практической жизни нельзя готовить в учебных

заведениях, даже учреждаемых чистыми "практиками", если в них преподают люди, оторванные от жизни. Это возможно лишь там, где сами преподаватели, каждый на основе своей профессии, знает жизнь и практику жизни. Каким образом, в деталях, может быть организовано управление свободной духовной жизнью, будет сказано вкратце дальше.

Люди, склонные к утопическому мышлению, встретят эту книгу множеством вопросов. Художники и другие работники духовного труда будут с тревогой спрашивать: "А могут ли человеческие таланты в такой свободной духовной жизни процветать лучше, чем теперь, опекаемые государством и экономикой?" Такие люди должны понять, что эта книга по своему замыслу не имеет ничего общего с утопией. Поэтому в ней ничего не утверждается теоретически: надо, мол, устроить то-то и так-то. Здесь дается лишь импульс к созданию таких форм человеческих сообществ, в которых люди в своей совместной жизни могли бы создавать нечто социально положительное. Тому, кто судит о жизни не по предвзятым теориям, а на основании опыта, нетрудно понять: если существует свободное духовное сообщество, которое может участвовать в практической жизни, исходя всецело из своих собственных точек зрения, тогда всякий, кто свободно творит по своему дарованию, может рассчитывать на правильную оценку своих достижений.

"Социальный вопрос" не есть нечто такое, что только в наше время вторглось в человеческую жизнь и может быть устранено усилиями нескольких государственных деятелей или парламентом. Этот "вопрос" является составной частью всей современной культуры и, раз возникнув, таковым и останется. В каждый момент всемирно-исторического развития он должен решаться заново. Ибо человечество в новейшую эпоху вступило в такое состояние, когда из всякого социально налаженного организма непременно снова возникает нечто антисоциальное. И это антисоциальное надо постоянно все снова и снова преодолевать. Подобно тому, как организм через некоторое время после насыщения снова впадает в состояние голода, так и социальный организм из упорядоченного состояния переходит в состояние расстройств. Универсального лекарства для упорядочения раз и навсегда всех социальных отношений не существует, как не существует пищевого продукта, насыщающего на все времена. Но люди могут создавать такие сообщества, которые в своем живом сотрудничестве могут всему существующему все снова и снова давать направление к социально положительному. Таким сообществом и является самоуправляющееся духовное звено социального организма.

Если в отношении духовной жизни социальной необходимостью эпохи, вытекающей из жизненного опыта, является принцип свободного самоуправления, то для экономической жизни такой же социальной необходимостью является принцип ассоциативной организации труда. В нашу историческую эпоху экономическая жизнь складывается из производства товаров, товарооборота и потребления товаров. Ими удовлетворяются человеческие потребности, в их кругу протекает и деятельность людей. У каждого есть здесь свои частные интересы, каждый должен в меру своих возможностей участвовать в этой деятельности. Что каждому действительно нужно, может ощущать и знать только он сам; и о том, что он должен делать, он тоже хочет судить сам на основании своего собственного понимания окружающих его условий жизни в целом. Не всегда так было, и сейчас еще не повсюду так на земле; но среди

современной цивилизованной части земного населения в основном это так.

В ходе исторического развития рамки хозяйств расширялись. Из замкнутых домашних хозяйств складывалось хозяйство городов, а из них - хозяйство целых государств. Теперь мы подходим к мировому хозяйству. Правда, в новом всегда остается значительная часть старого, а в старом уже во многом живут зачатки нового. Но судьбы человечества связаны с тем, что указанная последовательность форм в развитии определенных общественных отношений получила в нашу эпоху преобладающее значение.

Пытаться на основе абстрактных теорий организовать мировое хозяйственное объединение - нелепость. В ходе исторического развития отдельные хозяйства широко вливались в хозяйства государств. Но государственные объединения возникали под воздействием не одних только экономических сил. Тенденция к превращению государства в экономическую организацию и привела нашу эпоху к социальному хаосу. Экономическая жизнь сама по себе всегда стремится слагать свои формы под действием своих собственных сил независимо как от власти государственных учреждений, так и от государственного образа мыслей. Но это возможно лишь в том случае, если на чисто экономической основе будут создаваться ассоциации потребителей, коммерсантов и промышленников. Масштабы таких ассоциаций будут регулироваться самими условиями жизни. Слишком малым ассоциациям пришлось бы работать с большими непроизводительными издержками, слишком крупным - страдать от хозяйственной необозримости своих частей. Каждая ассоциация под воздействием потребностей жизни найдет пути упорядоченного общения с другими. Нет причин опасаться, что тот, кто из-за условий своей жизни нуждается в частой перемене места жительства, будет стеснен подобными объединениями. Напротив, он легко найдет переход из одной ассоциации в другую, если этот переход будет определяться не государственной организацией, а экономическими интересами. Внутри подобного ассоциативного устройства возможны институты, без затруднений занимающиеся вопросами денежного обращения.

В таких ассоциациях, руководимых на основе профессиональных знаний и практического опыта, может господствовать широкая гармония интересов. Не государственные законы будут регулировать производство, обмен и потребление благ, а сами люди, исходя из собственного непосредственного понимания вещей и своих интересов. Именно благодаря своему личному участию в жизни ассоциаций люди могут приобретать это необходимое понимание. Благодаря тому, что интересы с интересами должны уравниваться путем договоров, товары смогут обращаться по своей истинной стоимости.

Такие объединения на чисто экономической основе представляют собой нечто другое, чем, например, современные профессиональные союзы. Эти последние тоже действуют в экономической области, но они создаются не как чисто хозяйственные организации. Они образованы на принципах, ело жившихся в новейшее время вследствие преобладающей роли государственных, политических точек зрения. В них заседают парламентарии; вопросы о том, что один должен делать для другого, согласовываются в них не по хозяйственным соображениям. В ассоциациях же будут заседать не "наемные рабочие", требующие от работодателя, опираясь на свою силу, возможно более высокой заработной платы, но рабочие физического труда будут сотрудничать с руководителями

производства и с заинтересованными потребителями произведет венной продукции, чтобы путем регулирования цен устанавливать правильные соотношения между трудом и вознаграждением. Этого нельзя достичь парламентскими дебатами на заседаниях. Их надо избегать, потому что кто же будет работать, если множество людей вынуждены тратить столько времени на переговоры о работе. В соглашениях между отдельными людьми и отдельными ассоциациями все может происходить без ущерба для работы. Для этого необходимо лишь, чтобы соглашение отвечало интересам как работа ющих, так и потребителей.

Все это - вовсе не утопия. Ибо нигде не говорится: надо устроить так-то и так-то. Указывается лишь, как люди могут сами устраивать свои дела, если они будут действовать в сообществах, соответствующих их понятиям и интересам.

О том, чтобы люди действительно вступали в такие сообщества позаботится, с одной стороны, сама человеческая природа, если ей не препятствует вмешательство государства. Ибо из природы рождаются потребности. А с другой стороны, об этом может позаботиться свободная духовная жизнь, ибо она вырабатывает понятия, которые должны действовать в экономических сообществах. Кто мыслит, опираясь на опыт жизни, должен согласиться, что такие ассоциативные сообщества могут возникнуть в любой момент, что они не заключают в себе ничего утопического. Их возникновению ничто не стоит поперек дороги, кроме склонности современного человека "организовывать" экономическую жизнь извне в том смысле, в каком идея "организации" стала для него какой-то навязчивой идеей. Подобная организованность, стремящаяся воздействием извне объединить людей для производства, противоположна такой экономической организации, которая будет Строиться на свободных ассоциациях. Посредством ассоциации человек связывает себя с другим; а планомерность цедого Возникает из разума индивидуумов.

Могут сказать: "Что хорошего, если неимущий объединяется с имущим? Не лучше ли будет, если все производство и потребление будет "справедливо" регулироваться извне?" Но такое организованное регулирование связывает творческие силы людей и тем самым лишает экономическую жизнь притока того, что может рождаться только из этих свободных творческих сил. Попробуйте только хоть раз, наперекор всяким предубеждениям, объединить ныне неимущего с имущим! Если не вмешаются посторонние, внеэкономические силы, имущему придется согласовать с неимущим взаимные услуги и вознаграждения. В настоящее время об этих вещах Судят не по непосредственному восприятию, рождаемому опытом жизни, а под влиянием установок, развивающихся не. из чисто экономических, но из классовых и других отношений. Таковые могли развиваться именно потому, что в нашу эпоху экономическая жизнь все усложнялась и с ней уже не могли справиться чисто экономическими средствами: несвободная духовная жизнь не могла порождать нужных для этого социальных идей. Люди, занятые в экономике, опутаны рутиной; истинных формообразующих сил, действующих в экономике, они не прозревают. Они работают, не охватывая целостности человеческой жизни. В ассоциациях каждый на опыте другого будет узнавать то, что ему нужно знать. Образуется экономически правильное понимание действительно возможного в каждом случае, потому что люди, обладающие каждый в своей частичной области

пониманием и опытом, будут судить вместе.

Как в свободной духовной жизни должны действовать только силы, заключающиеся в ней самой, так и в экономической системе, построенной на началах ассоциации, должны действовать только экономические ценности, вырабатываемые в ассоциациях. Что каждому в отдельности надлежит делать в экономической области, выясняется в его совместной жизни с теми, с кем он экономически объединен. Благодаря этому он будет иметь как раз такое влияние на общее хозяйство, какое соответствует его личной работе. О том, каким образом неработоспособные включаются в экономическую жизнь, будет сказано дальше. Защитить слабого от сильного может только такая экономическая организация, которая создается, опираясь лишь на свои собственные, присущие ей силы.

Так в социальном организме обозначаются два члена, которые взаимно поддерживают друг друга именно потому, что каждый обладает своим своеобразным управлением в соответствии с особенностями, присущими каждому из них. Но между ними должен жить и действовать еще некий третий член социального организма. Это и есть собственно государство. В нем действует все то, что должно быть поставлено в зависимость от суждения и восприятия каждого совершеннолетнего человека. В свободной духовной жизни каждый действует в соответствии со своими особыми способностями и склонностями; в экономической жизни каждый занимает свое место так, как это вытекает из его положения в ассоциации; в сфере же политико-правовой государственной жизни каждый равноправно выступает как гражданин в своем чисто человеческом значении, не зависящем ни от способностей, проявляемых им в свободной духовной жизни, ни от экономической ценности производимых им в экономических ассоциациях благ.

В этой книге показывается, как человеческий труд, в том, что касается его количества и характера, должен находиться в ведении этой политико-правовой государственной жизни. Здесь каждый человек встречается с другим как равный с равным, здесь обсуждаются и решаются только такие вопросы, о которых каждый человек имеет равное право судить. Права и обязанности людей регулируются в этом члене социального организма.

Единство всего социального организма возникает из самостоятельной жизнедеятельности каждого из трех его членов. В этой книге будет показано, как движение капиталовложений, средств производства и формы землепользования могут определяться совместными действиями всех трех членов социального организма. Кто надеется "решить" социальный вопрос с помощью выдуманной им или как-либо иначе возмникшей экономической теории, тот найдет эту книгу непрактичной. Кто же, опираясь на опыт жизни, стремится побудить людей к созданию такого рода объединений, в которых они могли бы наилучшим образом понимать социальные задачи и посвящать себя их выполнению, тот, может быть, не откажет автору в стремлении к истинной жизненной практике.

Книга была впервые опубликована в апреле 1919 года. Разъяснения к сказанному я тогда давал в статьях, опубликованных в журнале "Трехчленность социального организма", а затем собранных в только что изданном сборнике под названием "К осуществлению трехчленности социального организма".¹

Может быть найдут, что в обеих книгах мало говорится о "целях" социального движения, а больше о путях, на которые люди призываются вступать в социальной жизни. Кто мыслит, опираясь на практику жизни, знает, что как раз цели могут выступать различным образом. Только тому, кто живет в абстракциях, все представляется в однозначных очертаниях. Такой человек нередко бранит что-либо жизненно практическое, потому что находит его недостаточно определенным, недостаточно "ясно" изложенным. Многие, считающие себя практиками, на самом деле мыслят абстрактно. Они не задумываются о том, что жизнь может принимать многообразнейшие формы. Жизнь - это текучесть. И кто хочет идти вместе с ней, должен также в своих идеях и восприятиях приспособляться к этой текучести, как к главной ее черте. Социальные задачи могут постигаться только таким - текучим - мышлением.

Из опыта жизни добыты идеи этой книги. Пусть из того же источника встретят они и понимание.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ЦЕЛИ НАСТОЯЩЕЙ КНИГИ

Современная социальная жизнь ставит перед нами серьезные и обширные задачи. Все более настойчивые требования о переустройстве этой жизни показывают, что для решения этих задач должны быть найдены пути, о которых до сих пор времени никто не думал. И может быть теперь, под воздействием фактов современности, найдет среди нас отклик тот, кто, опираясь на опыт самой жизни, покажет, что именно это нежелание задуматься о путях социального переустройства, ставшего ныне необходимостью, и привело мир в состояние смуты.

Такое именно понимание существа проблемы и положено в основу настоящей книги. Здесь говорится о том, что нужно сделать, чтобы стремления, охватившие ныне значительную часть человечества, могли выйти на путь целосознательной социальной деятельности.

Развитие такой деятельности очень мало зависит от того, нравятся ли кому-либо эти социальные стремления или нет. Они существуют, и с ними надо считаться как с фактом социальной жизни. Об этом следует задуматься тем, кто и своих суждениях исходит только из собственного положения в жизни. Они считают, что автор в изображении социальных стремлений пролетариата впадает в односторонность. Книжки им не нравятся именно потому, что здесь эти стремления изображаются как нечто такое, с чем необходимо считаться при осуществлении социальных требований. Автор же стремится в своем изложении исходить из всей полноты современной жизни, насколько это ему доступно на его путях познания этой жизни. Он ясно видит роковые и неизбежные последствия этого нежелания замечать факты, поднимающиеся из самых глубин жизни современного человечества, и упорного отбрасывания от себя всякого призыва к такой социальной деятельности, которая считается с этими фактами.

Содержание настоящей книги не удовлетворит *прежде всего* тех, кто считает себя знатоками жизненной практики - в духе общепринятых ныне и привычных представлений о существе "той практики". Они обвинят автора в непрактичности

его высказываний. Автор же считает, что именно таким людям придется основательно переучиваться. Ибо то, что они считают "жизненной практикой", как раз и оказалось - в свете действительных фактов современности - несомненным заблуждением, таким заблуждением, которое в значительной мере и явилось причиной социальных бедствий. Им придется признать практичным многое такое, что ранее *им же* представлялось отъявленным идеализмом. Пусть они полагают, что исходные позиции этой книги несостоятельны уже потому, что в первых ее главах мало говорится об экономических вопросах, а больше о духовной жизни современного человечества - автор же, основываясь на изучении подлинных фактов современности, *убежден*, что к уже совершенным ошибкам неизбежно прибавится множество новых, если на духовную жизнь современности не будет обращено внимание, соответствующее ее истинному значению.

Однако содержание книги, несомненно, не понравится и тем, кто на все лады варьирует фразы о необходимости освобождения человечества от приверженности чисто материальным интересам и об обращении к "духу", к идеализму. Автор не придает цены ни пустым ссылкам на "духовное начало", ни туманным разглагольствованиям о духовном мире. Он признает лишь такую духовность, которая становится для человека подлинным содержанием его жизни, обнаруживая свою действенность столько же в решении практических жизненных задач, сколько и в формировании мировоззрения, удовлетворяющего запросам души. Не в том дело, чтобы знать - или думать, что знаешь - о какой-то духовности. Дело в том, чтобы эта духовность действительно проникала в самую жизненную практику, а не служила бы только внутренним движениям души, как некое побочное течение, лишь сопутствующее потоку практической жизни.

Таким образом, содержание этой книги, вероятно, окажется для "духовно" настроенных людей слишком недуховным, а для "практиков" - оторванным от жизни. Но автор считает, что его труд может быть полезным *именно потому*, что, не разделяя заблуждений тех, кто, именуя себя "практиками", в действительности оторваны от подлинной жизни, он в то же время полностью отвергает пустые разговоры о "духе", подменяющие жизнь словесной иллюзией.

В этой книге "социальный вопрос" рассматривается как вопрос экономической, правовой и духовной жизни человека, Автор стремится показать, как "истинный образ" целостной социальной проблемы слагается на основе трех видов закономерностей: экономических, правовых и духовных. Лишь из понимания взаимоотношений этих трех видов закономерностей могут возникнуть импульсы здорового устройства всех областей общественной жизни. В древности в историческом развитии человечества действовали социальные инстинкты, в силу которых три области социальной жизни расчленились так, как это соответствовало природе человека той эпохи. В настоящую же историческую эпоху мы стоим перед необходимостью установить это расчленение путем сознательной, целеустремленной социальной деятельности. Между той древнейшей эпохой и современностью лежит - для тех стран, о которых в первую очередь идет речь в связи с проблемой социального переустройства - период беспорядочного смешения еще действующих старых инстинктов и традиций с возникающей новой сознательностью. Такое положение уже не может больше удовлетворить запросы современного человечества. Во многом, что принимается ныне за достижения нового социального мышления, на самом деле живут еще старые инстинкты и традиции. Потому-то это мышление и оказывается

несостоятельным перед фактами действительности. Человеку нашей эпохи необходимо основательнее, чем многие думают, высвободиться из всего, что уже потеряло свою жизнеспособность. Только тот, кто готов признать вышесказанное - так полагает автор - может уяснить себе, какими должны стать формы экономической, правовой и духовной жизни, вытекающие из запросов самой нашей эпохи. Наша эпоха требует социального переустройства на совершенно новых, здоровых основах. То, что автор может сказать об этом необходимом переустройстве, он представляет на суд современности в настоящей книге. Ее задача - *побудить* к движению в направлении тех социальных целей, которые соответствуют жизненной действительности и жизненной необходимости нашей эпохи. Ибо автор полагает, что только через устремление к этим целям может человечество освободиться от фанатизма и утопизма и выйти на путь подлинно сознательной социальной деятельности.

А тех, кому содержание настоящей книги все же покажется утопическим, автор просит подумать о том, сколь далекими от действительной жизни оказываются приверженцы многих распространенных в наше время социальных учений, и как легко впадают они в мечтательность. *Поэтому* и может представиться утопией то, что на самом деле вытекает из подлинного опыта социальной жизни, как это стремился показать автор настоящей книги. Многие увидят здесь нечто "абстрактное" потому, что "конкретным" они считают только то, о чем сами привыкли мыслить. И конкретность им представляется абстракцией, как только она выходит за пределы их привычного мышления.* (* Автор сознательно отказался от обязанности непременно придерживаться в своем изложении терминологии, принятой в экономической литературе. Ему прекрасно известны те места книги, которые "специалисты" найдут диалектическими. Однако свой способ изложения он избрал не только потому, что книга обращена также к читателям, мало знакомым с научной социально-экономической литературой. Автор исходит прежде всего из уверенности, что в свете истинных запросов современности многие положения, принятые ныне в этой "специальной" научной литературе, обнаружат в ближайшее же время свою односторонность и несостоятельность, даже в отношении терминологии. Автору может быть поставлено в вину, что он не упомянул о тех или иных социальных идеях других лиц, представляющихся созвучными его идеям. В ответ на это я прошу принять во внимание, что для практического осуществления импульсов, заложенных в этой книге, существенно важно дать прежде всего наиболее полное освещение исходных точек и путей развития предлагаемой здесь социальной концепции, вытекающей из жизненного опыта автора последних десятилетий, а вовсе не изложение различных, хотя бы и сходных в том или ином отношении мыслей по данному вопросу. В главе IV можно видеть также, что автор пытается наметить пути практического осуществления идей, относительно которых никаких, даже внешне сходных мыслей, досих пор высказано не было.)

Автор знает, что его установки неприемлемы прежде всего для всех тех, умы которых застыли в оковах партийных программ. Все же он думает, что многим партийным деятелям уже вскоре придется убедиться, что факты исторического развития нашей эпохи никак не укладываются в рамки партийных программ, и что новое, *независимое* от этих программ суждение о ближайших задачах социальной деятельности является первой потребностью нашей общественной жизни.

Начало апреля 1919 г.

Рудольф Штайнер

I. ИСТИННЫЙ ОБРАЗ СОЦИАЛЬНОГО ВОПРОСА, КАК ОН РАСКРЫВАЕТСЯ В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Не из катастрофы ли мировой войны выросло социальное движение современности? И в происходящих ныне событиях не обнаруживается ли со всей очевидностью несостоятельность тех идей, которые десятилетиями считались основой правильного понимания социальных устремлений пролетариата?

Все, что мы видим, все, что вырвалось ныне из подавлявшихся до сих пор требований пролетариата и открыто вышло на арену истории, - заставляет поставить этот вопрос. Силы, бывшие виновниками этого подавления, частично уничтожены. Можно ли и теперь сохранить в нашей общественной жизни такое же отношение к социальным устремлениям, охватившим значительную часть человечества, какое до сего времени насаждалось именно этими силами? Думать так может лишь тот, кто лишен всякого понимания неистребимости подобных импульсов, свойственных человеческой природе.

Многие из тех деятелей, общественное положение которых позволяло им словом или делом оказывать влияние на силы, толкавшие нас в 1914 году к военной катастрофе, развязывая или, напротив, сдерживая их, находились в плену величайших иллюзий относительно действительного значения этих импульсов. Они полагали, что военная победа умиротворит натиск социальных сил. Этим деятелям пришлось убедиться, что именно в результате их политики эти социальные устремления и смогли теперь проявиться в полной мере. Да, катастрофа, постигшая человечество, действительно оказалась тем историческим событием, благодаря которому эти социальные устремления смогли полностью проявить свою ударную силу. Правящие лица и классы вынуждены были в течение последних роковых лет постоянно принимать во внимание то, что исходило из социалистически настроенных кругов. Они охотно действовали бы совсем иначе, если бы могли не считаться с требованиями этих кругов. Но развитие событий, совершающихся на наших глазах, является в значительной мере результатом именно этих - социалистических - устремлений.

То, что десятилетиями готовилось в ходе исторической жизни человечества, ныне вступило в решающую фазу своего развития. И поистине трагедией человечества является тот факт, что перед лицом происходящих ныне событий оказываются несостоятельными идеи, возникшие в предшествующий период - период исторического назревания этих событий. Многие общественные деятели, идеи которых складывались к эту эпоху, ставили своей целью осуществление определенных, социальных мероприятий, вытекающих из этих идей. Однако в настоящее время они лишь очень мало или совсем ничего не могут сделать для

решения роковых вопросов, поставленных самими фактами жизни."

Правда, многие из них еще верят, что те формы общественной организации, которые они так долго считали необходимыми для социального переустройства человечества, окажутся при практическом их осуществлении столь действенными, что смогут направить поток событий в жизнеспособное русло. оставим в стороне мнения тех, кто и теперь еще тешит себя иллюзией, будто старый строй может устоять против натиска новых требований, выдвигаемых ныне значительной частью человечества. Обратимся только к устремлениям людей, убежденных в необходимости переустройства жизни. Нельзя не признать, что и здесь мы повсюду встречаемся с партийными суждениями по всем вопросам современности. Эти партийные суждения представляют собой лишь мертвые оболочки, мумии суждений, неспособные охватить живой ход событий: он их отбрасывает. Факты жизни требуют решений, к которым взгляды существующих партий не подготовлены. Правда, эти партии возникали и развивались вместе с развитием фактов. Но они от них отстали, подчиняясь инерции привычного мышления. И, может быть, по отношению к господствующим еще в настоящее время взглядам вовсе не является с нашей стороны нескромностью, если мы беремся утверждать, что наша оценка этих взглядов с необходимостью вытекает из всего хода событий в переживаемый нами период мировой истории; и что вследствие этого именно в нашей современности должна найти отклик попытка обнаружить и указать в социальной жизни современного человечества нечто такое, что по своеобразию своему совершенно чуждо привычному образу мыслей социальных деятелей и партийных группировок. Ибо вполне возможно, что трагическое бессилие всех попыток разрешить социальный вопрос коренится как раз в ложном понимании существа пролетарского движения. В ложном понимании - даже со стороны тех, чьи социальные взгляды выработались на почве самого пролетарского движения. Ибо человек далеко не всегда правильно понимает свои собственные желания.

Обоснованным поэтому представляется наш призыв заново поставить вопрос: чего же *в действительности хочет* пролетариат? И соответствует ли это подлинное волеизъявление пролетариата тому, что понимают ныне под этим в пролетарских или непролетарских кругах? Раскрывается ли в размышлениях очень многих о "социальном вопросе" *истинный образ* этого "вопроса"? Или же для этого требуется совершенно иное направление мысли? К *этому* может непредвзято подойти только тот, кто велением судьбы был поставлен в положение, дававшее ему возможность непосредственно вживаться в духовную жизнь современного пролетариата - именно той его части, которая в значительной мере руководила социальным движением последнего времени.

Многое уже сказано о развитии современной техники и современного капитализма, о том, как в процессе этого развития возник современный пролетариат и каким образом из экономических отношений, характеризующих современный общественный строй, выросли его социальные требования. Исследования, проведенные в этом направлении, заключают в себе много верного. Но решающая сторона проблемы остается незатронутой. Это может стать очевидным для тех, кто не даст себя загипнотизировать известным тезисом: вся жизнь человека определяется внешними условиями, - но сохранит способность непредвзято подойти к рассмотрению душевных импульсов,

исходящих из глубины внутренней сущности человека.

Несомненно, социальные требования пролетариата исторически развивались вместе с развитием современной техники и современного капитализма. Но этот факт сам по себе ничего не говорит о том, что же собственно живет в этих требованиях как *чисто человеческий* импульс. И пока мы не проникнем в жизнь этих чисто человеческих импульсов - мы не сможем подойти к раскрытию *истинного образа* "социального вопроса".

Существует формула, часто употребляемая в мире пролетариата и могущая оказаться весьма знаменательной для тех, кто захочет проникнуть в более глубокие движущие силы человеческих устремлений. Эта формула гласит: современный пролетарий стал "*классово сознательным*". Он уже не подчиняется другим классам до некоторой степени инстинктивно, бессознательно. Он сознает свою принадлежность к определенному классу и в соответствии со своими интересами намерен определять отношение этого - своего - класса к другим классам общества.

Тому, кто способен понять скрытые потоки душевной жизни людей, выражение "классовое сознание", столь широко употребляемое современным пролетариатом, укажет важнейшие черты, характеризующие жизнепонимание тех трудовых классов, жизнь которых связана с современной техникой и современным капитализмом. Прежде всего надо обратить внимание, каким воспламеняющим действием в думают пролетария обладают научные теории о законах экономической жизни и об их влиянии на человеческие судьбы. Здесь мы касаемся факта, относительно которого очень многие, размышляющие лишь о пролетариате, но не *вместе* с ним, имеют самые туманные, а в свете серьезнейших событий современности - весьма вредные представления. Ибо придерживаясь мнения, что марксизм и позднейшие его продолжатели сбили с толку "необразованного" пролетария, невозможно подойти к истинному пониманию переживаемой нами эпохи мировой истории, пониманию, столь необходимому нашей современности. Ибо высказывая такое мнение, человек только показывает, что у него нет желания направить взгляд на существенное в современном социальном движении. Это существенное заключается в том, что пролетарское классовое сознание проникнуто понятиями, характер которых определяется развитием современного *научного* мышления. В этом классовом сознании действует тот строй мышления, который действовал в речи Лассалы "Наука и рабочие".³

Многим, считающим себя "практиками", подобные вещи могут показаться маловажными. Но для подлинно плодотворного понимания современного рабочего движения *необходимо* обратить на них внимание. Ибо в требованиях, выдвигаемых ныне как умеренными, так и радикально настроенными пролетариями, движущей силой являются не сами экономические условия, непосредственно порождающие импульсы человеческих действий, как многие думают; этой движущей силой является экономическая *наука*, овладевшая классовым сознанием пролетариата. Как в научной, так и в газетно-популяризаторской литературе пролетарского движения решающее значение этой науки обнаруживается столь ясно, что отрицать его - значит намеренно закрывать глаза на факты.

Фундаментальным, определяющим для всех социальных отношений эпохи фактом является тот, что содержание классового сознания современного пролетария формируется под влиянием определенной научной системы. Пусть тот или иной человек, работающий у машины, еще очень далек от "науки", но разъяснения относительно своего положения он получает от тех, кто черпает их именно из этой "науки".

Исследования, касающиеся экономической жизни нашей эпохи, эпохи машинной техники и капитализма, во многом освещают основополагающие факты, характеризующие современное рабочее движение. Но подлинное объяснение социальных отношений нашей эпохи не вытекает непосредственно из того факта, что труд современного рабочего является трудом машинным, что рабочий зажат в тиски капиталистического строя. Это объяснение надо искать в другом - в тех совершенно определенных *мыслях*, которые складываются у рабочего, занятого машинным трудом в условиях капиталистических производственных отношений, и которые составляют содержание его классового сознания.

Очень возможно, что господствующие в настоящее время навыки мышления многим помешают полностью уяснить себе все значение указанного различия двух точек зрения, а подчеркивание этого различия будет сочтено лишь диалектической игрой понятиями. Но тем хуже для тех, кто не в состоянии схватить в этом самое существенное: они очень далеки от подлинно плодотворного подхода к вопросам социальной жизни людей. Чтобы понять рабочее движение, надо прежде всего знать, как рабочий *мыслит*. Ибо рабочее движение - от его умеренных реформистских направлений до самых разрушительных крайностей - создается не "внечеловеческими силами", не абстрактными "экономическими законами"; оно создается *людьми* - под воздействием усвоенных ими представлений и волевых импульсов.

Не сами по себе машина и капитализм непосредственно внедряли в сознание пролетариата идеи и волевые импульсы, определяющие характер современного социального движения. Главное здесь в том, что это движение для своего идейного обоснования обратилось к новейшим научным течениям именно потому, что машинный труд и капитализм не могли дать душевной жизни пролетария, его сознанию такого внутреннего содержания, которое удовлетворяло бы его чувство человеческого достоинства. Средневековый ремесленник черпал это чувство из своей профессии. Он был связан со своей профессией *как человек*. И в силу такого именно характера этой связи его собственная жизнь в человеческом обществе представлялась ему жизнью, достойной человека: в своем труде он мог видеть реализацию того, чем он хотел быть как "человек". В условиях же машинного труда в капиталистическом производстве человек в поисках идейной основы для осознания своей ценности как "человека" может опереться только на самого себя, на свое собственное внутреннее существо. Машинный труд в капиталистическом производстве ничего в этом отношении ему не дает.

Так и получилось, что сознание рабочего, пролетария обратилось к идеям и понятиям, вырабатываемым научным мышлением. Его внутреннее, собственно человеческое самосознание оказалось оторванным от связи с его повседневным трудом, от непосредственно окружающей его жизненной среды. Но это произошло в ту эпоху, когда в ведущих классах общества восторжествовал тот

строй научного мышления, который сам уже утерять духовную творческую силу, способность дать человеческому сознанию такое содержание, которое всесторонне удовлетворяло бы запросам человеческой души. Прежние мировоззрения давали человеческой душе сознание своей включенности в духовное бытие мира. В новом научном знании человек - это только явление природы, частица природного бытия. Такое знание не может уже восприниматься человеком как некий поток, притекающий к нему из духовного мира и несущий в себе душевное существо человека. Как бы мы ни судили об отношении религиозных взглядов и всего, что им родственно к научному мышлению нашей эпохи, но при непредвзятом рассмотрении исторического процесса нельзя не признать, что научные представления преемственно связаны с религиозными. Но прежние мировоззрения, основанные на религиозных представлениях, не смогли передать новому, научному мышлению свойственную им способность - питать внутреннюю душевную жизнь человека. Эти старые мировоззрения оторвались от научного мышления и стали жить обособленно, в своем, присущем им содержании сознания. Но к этому содержанию сознания душа пролетария не могла привлечь. Для ведущих классов общества в этом религиозном сознании еще могло содержаться нечто ценное. Для них оно еще могло связываться тем или иным образом с их жизненным положением. Люди, принадлежащие к этим классам, могли не искать новых источников для самоосознания, потому что сама жизнь силой своих традиций еще питала их души и удерживала их в старом мировосприятии. Пролетарий же вырван из всех прежних традиционных жизненных связей. Это человек, жизнь которого строится на совершенно иных, новых основах. И одновременно с исчезновением прежних основ жизни исчезла для него и возможность черпать духовное содержание из старых источников, связанных с теми традициями жизни, от которых он был отчужден.

Развитие машинной техники и современного капитализма сопровождалось одновременным - насколько можно говорить об одновременности в отношении столь обширных, всемирно-исторических явлений - развитием современной науки. К ней-то и обратилась душа пролетария со всеми своими надеждами и верой. У нее искал он нового, необходимого ему содержания сознания. Но и в отношении к этой науке положение пролетариата отличалось от положения ведущих классов общества. Люди, принадлежащие к этим классам, не ощущали необходимости в том, чтобы их научные представления становились основой всего жизневосприятия, питающего внутреннюю жизнь души. Как бы ни проникались они "научными представлениями" о том, что по законам природы прямая причинная связь соединяет низших животных с человеком - это представление оставалось для них лишь теоретическим тезисом. Не возникало побуждения перестроить в полном с ним соответствии также и все свое эмоциональное жизневосприятие. Разумеется, такие естествоиспытатели, как Фохт, и популяризаторы научных знаний, как Бюхнер, проникались в своем сознании представлениями научного характера. Но наряду с такого рода представлениями в их душах жило нечто, что удерживало их во власти традиционных жизненных связей, разумное оправдание которых возможно лишь на основе веры в духовный миропорядок.

Представим же без всякой предвзятости, до какой степени воздействие научных представлений на тех, кто всем своим существом крепко связан с традиционным строем жизни, отличается от воздействия тех же представлений на современного пролетария. В короткие вечерние часы, свободные от работы, он слушает

агитатора, который говорит: "Достижения современной науки уничтожают веру в духовное происхождение человека. Известно теперь, что первобытные люди жили, как звери, лазая по деревьям, прячась в пещеры и т.п. Известно, что все люди произошли от общих предков по чисто естественным законам природы".

С этой научностью, с этим строем мышления сталкивался пролетарий в поисках такого мирозерцания, которое дало бы ему возможность ощутить в своей душе, каким же образом он как человек включен в мировое бытие. Эту научность он принимал полностью и серьезно и делал из нее *свои* выводы для руководства в жизни. Век машин и капитализма затрагивал его иначе, чем представителя ведущих классов общества. Этот последний чувствовал себя включенным в строй жизни, не потерявший еще для него связи с внутренней душевной жизнью человека. Поэтому он всецело заинтересован в том, чтобы использовать достижения новейшей науки в рамках существующего строя жизни. Пролетарий же в своем душевном существе полностью вырван из этого строя жизни. Для него этот строй жизни не включает в себе ничего, что могло бы осветить его внутреннюю жизнь, внеся в нее достойное человека содержание. Живое осознание себя как человека пролетарий мог надеяться получить лишь через научное мышление - это единственное порождение старого жизненного строя, обладающее, казалось бы, силой, способной оправдать подобную надежду.

Кто-то из наших читателей, вероятно, усмехнется, услышав о "научности" мышления пролетариата. Пусть усмеются те, кто считает "научными" только знания, приобретаемые многолетним сидением в "учебных заведениях", пусть противопоставляют они эту свою "научность" сознанию "необразованного" пролетария. Они высмеивают факты, имеющие решающее значение для всей дальнейшей истории человечества. Эти факты свидетельствуют, что очень многие высокообразованные люди *живут* в противоречии с наукой, тогда как "необразованный" пролетарий руководствуется в своем непонимании той наукой, которой он, возможно, вовсе не обладает. Образованный человек воспринял содержание научных идей, в его душе они сложены как бы в некий внутренний ящик; но сам он включен в определенный жизненный строй и от этого строя он получает душевные импульсы, определяющие его жизненные ориентиры, а не от "науки". Пролетарий же условиями своего существования приведен к такому восприятию жизни, которое определяется научным *образом мыслей*. Он может быть очень далек от того, что другие классы называют "научностью". Но свои жизненные ориентиры он получает из определенного научного направления, формирующего его понятия и представления. Для других классов основой мировоззрения являются религиозные, эстетические или иные идеи духовного характера. Для пролетария же наука - хотя зачастую лишь в самых общих ее выводах - приобретает значение жизненного верования. То или иное лицо, принадлежащее к "ведущим" классам, может чувствовать себя вполне "просвещенным", "вольнодумцем". Несомненно, мир его представлений складывается под влиянием научных убеждений. Но в его восприятиях живут еще, им самим не замечаемые, пережитки традиционных жизненных верований.

Нечто очень важное, присущее старому строю жизни, не было воспринято новым научным мышлением, а именно: сознание, что само это мышление как явление духовного порядка коренится в духовном мире. Для человека, принадлежащего к господствующим классам общества, эта особенность современной научности не имеет большого значения. Ибо его духовная жизнь питается истоками старых

традиций. Для пролетарий же это невозможно, ибо его новые жизненные условия уничтожили в его душе действенность старых традиций. Он унаследовал от господствующих классов научный образ мышления. И это наследие стало для него основой его представлений о существе человека. Но это духовное по своей природе наследие не осознает своего собственного происхождения из истоков духовной реальности. Единственное наследие духовной жизни, воспринятое пролетарием от господствующих классов, отрекается от своего духовного происхождения.

Автор нимало не заблуждается относительно того впечатления, которое высказанные здесь мысли произведут на тех читателей - из непролетарской, равно как и из пролетарской среды, которые считают себя знатоками "практики жизни". Опираясь на это "практическое знание", они, разумеется, сочтут все здесь сказанное пустым, совершенно нежизненным умствованием. Но факты, характеризующие переживаемый нами момент мировой истории, все убедительней разоблачают иллюзорность этого "практического" знания. Стоит лишь без всякой предвзятости взглянуть на эти факты, чтобы убедиться, что сторонники "практического" жизнепонимания, не вникающие в суть этих фактов, приходят в конце концов к взглядам, не имеющим уже ничего общего с самими фактами жизни. Господствующие идеи до тех пор придерживались этой "практической" позиции, пока не утратили всякую связь с действительностью. В этом отношении переживаемая нами катастрофа может для многих явиться как бы судьей, призывающим к ответу: "Как мыслили вы о том, что должно произойти? А что произошло в действительности?" Неужели та же участь должна постигнуть и наше социальное мышление?

Со стороны представителей пролетарского понимания жизни автор предвидит и такую оценку высказанных им мыслей: вот еще одна попытка перевести обсуждение действительного существа социального вопроса на рельсы, удобные для буржуазного образа мыслей. Но такой поборник пролетарского подхода не видит, что будучи по своему жизненному положению пролетарием, руководство для своей жизни, жизни пролетария, он ищет в идейном наследии, навязываемом ему господствующими классами. Он *живет* по-пролетарски, но *мыслит* - по-буржуазному. Однако в новой исторической эпохе необходимостью становится не только усвоение нового образа жизни, но и усвоение *новых мыслей*. А новый - научный - образ мыслей сможет наполнить жизнь человека душевным содержанием лишь в том случае, если он окажется в состоянии на свой лад дать человеку такой же импульс к обеспечению полноценности своего внутреннего человеческого существа, какой на свой лад давало старое мировоззрение.

Этим намечается путь к раскрытию *истинного образа* одного из элементов, составляющих рабочее движение наших дней. На этом пути мы услышим голос души пролетария: "Я жажду духовной жизни. Но эта духовная жизнь есть *идеология*, отражение в сознании человека явлений внешнего мира, она не притекает ко мне из особого духовного мира." Все, что перешло в новую эпоху из старых источников духовной жизни, неизбежно воспринимается сознанием пролетария как идеология.

Чтобы понять тот строй души пролетария, который находит свое выражение в социальной практике наших дней, необходимо ясно представить себе - какое же действие в душе человека может оказать убеждение, что духовная жизнь есть

идеология. Мне могут возразить: какое дело рядовому среднему пролетарию до этого философского тезиса, который кружит головы лишь более или менее образованных вожаков! Тот, кто так думает, проходит мимо действительных фактов жизни - как в мыслях своих, так и в поступках. Он не понимает основного, что произошло в жизни пролетариата за последние десятилетия. Он не видит связи, существующей между убеждением, что духовная жизнь есть идеология, и требованиями и действиями того самого радикального социалиста, которого он считает "необразованным", а также и действиями тех, кто - движимые смутными импульсами самой жизни - "устраивают революцию".

Трагедия непонимания социальных требований современности заключается в том, что широкие круги общества ничего не хотят знать о тех силах, которые из глубин душевной жизни народных масс стремятся вырваться на поверхность общественной жизни, не хотят обратить свой взор на то, что *действительно совершается* в душах людей.

Не-пролетарий прислушивается к требованиям пролетария и со страхом слышит: лишь обобществление средств производства может дать мне существование, достойное человека. Но ему и в голову не приходит, что его класс при переходе в новую историческую эпоху не только обрек пролетария на труд с непринадлежащими ему средствами производства, но и не дал этому труду ничего, что могло бы сделать его опорой для душевной жизни человека. Те, кто - как выше указано - в своих мыслях и поступках проходят мимо действительных фактов жизни, могут сказать: "Но ведь пролетарий просто хочет добиться для себя условий жизни, равных условиям жизни господствующих классов. При чем же тут душевная жизнь человека?" Действительно, и сам пролетарий утверждает: "Мне ничего не нужно от других классов для моей души. Я хочу лишь, чтобы они меня не эксплуатировали. Я хочу уничтожить классовое деление общества."

Но это утверждение все же не затрагивает существа социального вопроса. Оно ничего не раскрывает в *истинном образе* этого вопроса. Ибо если бы сознание трудовых классов могло бы унаследовать от господствующих классов подлинно духовное содержание, то их социальные требования приняли бы совершенно иную форму, чем требования, выдвигаемые в настоящее время пролетариатом, тем пролетариатом, который в воспринимаемой им от господствующих классов духовной жизни видит только идеологию. Этот пролетарий убежден, что вся духовная жизнь есть идеология. Но это убеждение делает его все более и более душевно несчастным. И это душевное несчастье, которое он не сознает, но от которого тем не менее тяжело страдает, имеет для социального положения современности неизмеримо большее значение, чем все требования - сами по себе вполне обоснованные и справедливые - об улучшении внешних материальных условий жизни.

Господствующие классы не признают себя виновниками распространения в среде пролетариата того мировоззрения, которое ныне враждебно им противостоит. Но они действительно являются его виновниками, потому что из своей собственной духовной жизни они смогли передать пролетариату только такое наследие, которое неизбежно должно быть им воспринято как идеология.

Основное, что определяет характер социального движения наших дней, заключается не в самих требованиях изменения условий жизни одного класса

людей - хотя это само по себе вполне естественно. Главное здесь - в *способах* претворения в жизнь этих требований, как они представляются классовому сознанию пролетариата.

Взглянем же с этой точки зрения совершенно непредвзято на окружающую нас действительность. Многим из тех, кто стремится мыслить в направлении импульсов пролетарского движения, кажется просто смешным, когда речь заходит о том, что те или иные духовные устремления могут способствовать решению социального вопроса. Они высмеивают это как *идеологию*, как пустую теорию. Из одной только мыслительной, из чисто духовной жизни человека - так они думают - ничего, разумеется, нельзя почерпнуть для решения острых социальных проблем наших дней. Но если пристальнее всмотреться в действительные факты жизни, то станет очевидным, что подлинный жизненный нерв, подлинный основной импульс современного, и именно пролетарского социального движения коренится *совсем не* в том, о чем говорит современный пролетарий, а в том как он *мыслит*.

Современное пролетарское движение нашей эпохи - как, может быть, никакое другое из подобных движений, известных в истории - является движением, возникшим из *мысли*. Я утверждаю это не как вывод из одних только размышлений о социальной проблеме. Если позволительно мне сделать замечание личного характера, то скажу следующее: в течение нескольких лет я преподавал в общеобразовательной школе для рабочих различных профессий. Это дало мне возможность близко узнать жизнь души современного пролетария и ее стремления. В связи с этим мне пришлось также познакомиться с деятельностью профессиональных союзов рабочих разных специальностей. И в своих высказываниях я могу, как я полагаю, опираться не на одни только теоретические соображения, но и на наблюдения, почерпнутые из опыта реальной жизни.

Те, кому довелось ознакомиться с рабочим движением там, где оно ведется самими *рабочими* - а таких лиц среди ведущих представителей интеллектуальной жизни общества еще, к сожалению, слишком мало - хорошо знают, какое огромное значение имеет *тот* факт, что в сознании очень большого числа людей интенсивнейшим образом властвует определенная *научная система*. Главная трудность в обсуждении социальных загадок заключается в недостатке взаимопонимания между различными классами общества. Людям из буржуазных классов слишком трудно перенестись в душу пролетария, им слишком трудно понять - каким образом в еще нетронутый *разум* пролетария могла найти доступ такая сложная - оставляя в стороне всякую оценку ее по содержанию - мыслительная система, как учение Карла Маркса, усвоение которого предъявляет самые высокие требования к мыслительной способности человека.

Конечно, учение К. Маркса одними принимается, другими отвергается - быть может, по одинаково убедительным основаниям. Оно и ревизуется теми, кто после смерти Маркса и Энгельса рассматривали социальную жизнь с иных точек зрения. Содержания этого учения я здесь касаться не буду. Это не представляется мне существенным для понимания самой сути современного рабочего движения. Существенным является тот *факт*, что в рабочей среде в качестве мощного импульса действует некая мыслительная система. Сложившееся положение можно охарактеризовать так: практическое движение, выдвигающее требования, касающиеся повседневной человеческой жизни, никогда еще не опиралось до

такой степени на *исключительно* мыслительную основу, на базу определенной научной доктрины, как это имеет место в современном пролетарском движении. Можно даже сказать, что оно является первым таким движением в истории человечества, опирающимся на чисто научную основу. Однако этот факт надо понять правильно. Рассматривая все, что современный пролетарий может сказать о своих взглядах, стремлениях и восприятиях, нетрудно - при более пристальном наблюдении самой жизни - убедиться, что все эти программные положения вовсе не так важны.

Действительно же важное значение имеет тот факт, что для пролетария основным началом, определяющим *всю его жизнь* в целом, является то, что для других классов связывается лишь с одним из элементов сознания: *мыслительная основа* всего жизнепонимания человека. Однако пролетарий не может утвердить в своем сознании реальность возникающей в нем отсюда внутренней основы. Такому утверждению препятствует тот факт, что вся вообще мыслительная деятельность унаследована им от господствующих классов в виде идеологии. В реальной действительности он строит свою жизнь на базе мысли, но воспринимает эти мысли как нечто нереальное, как идеологию. Только по-настоящему оценив все значение *этого* факта в жизни современного человечества, можно понять суть пролетарского жизнепонимания и характер реализации этого жизнепонимания в действиях его представителей.

Из всего, что сказано выше о духовной жизни современного пролетариата, ясно, что определение особенностей этой духовной жизни и должно быть выдвинуто на первый план на пути к раскрытию истинного образа социального рабочего движения. Ибо причины, не удовлетворяющих пролетария условий жизни, он видит в том свете и стремится их устранить тем способом, как это вытекает из его духовной жизни, из его классового сознания.

И все же в настоящее время ничего, кроме насмешки или раздражения не может вызвать в нем мысль, что в этих духовных основах социального движения заключается нечто, само по себе обладающее значительной действенной силой. Да и как может пролетарий признать, что духовная жизнь является движущей силой его действий, если он не может воспринять ее иначе, как в виде идеологии? От духовной жизни, воспринимаемой в виде идеологии, нельзя ожидать, что она способна указать выход из невыносимых социальных условий. В научно ориентированном мировосприятии пролетария не только сама наука, но и искусство, религия, мораль, право представляются ему составными частями идеологии. И во всем, что действует в этих отраслях духовной жизни, он не усматривает никакой самостоятельной реальности, проникающей в его собственное бытие и могущей внести нечто от себя в его материальную жизнь. Для него все это - только отблеск или отражение материальной жизни. Пусть идеи и способны "оказывать обратное воздействие" на материальную жизнь, будучи восприняты в виде тех или иных представлений и волевых импульсов, - все же по происхождению своему они остаются лишь идеологией - продуктом самой материальной жизни. В его глазах *они сами* ничего не могут дать для устранения социальных бедствий. Только *внутри* самой материальной жизни должно возникнуть нечто такое, что откроет путь к этой цели.

Духовная жизнь нашей эпохи перешла от господствующих классов человечества к пролетариату в такой форме, которая исключает в его жизневосприятии всякую

возможность видеть в этой духовной жизни какие-либо реальные силы. Именно это должно быть понято прежде всего в поисках решения социального вопроса. Если такое положение вещей будет развиваться и дальше, то духовная жизнь человечества обречена на полное бессилие пред лицом социальных требований настоящего и будущего. Убежденность в этом бессилии духовной жизни действительно охватила большую часть современного пролетариата. Эту убежденность и выражают ныне марксизм и сходные с ним учения. Указывается, что современный капитализм развился из предшествовавших форм экономической жизни и что в ходе этого развития для пролетариата в его взаимоотношениях с капиталом сложились невыносимые условия жизни. Экономическое развитие пойдет и дальше, капитализм будет уничтожен действиями в нем самом скрытых сил, а уничтожение капитализма явится освобождением пролетариата. В учениях социалистических вождей новейшего направления эта концепция освобождена от фаталистической окраски, которую она получила в некоторых марксистских кругах. Но существо этой доктрины и здесь остается в силе. Ибо *никто* из тех, кто считает себя настоящим социалистом, не согласится с таким тезисом: если в какой-либо области духовной жизни возникнет движение, вытекающее из глубоких импульсов данной исторической эпохи, корнящееся в духовной реальности мира и отвечающее запросам внутренней душевной жизни человека - то такое духовное движение может излучать силу, способную дать верное направление также и социальному движению современности.

Человек, принужденный в силу социальных условий вести образ жизни, характерный для современного пролетария, не может питать подобных надежд по отношению к духовной жизни современного общества. Этим и определяется основная настроенность его души. Он испытывает потребность в такой духовной жизни, из которой исходила бы сила, сообщающая его душе чувство человеческого достоинства. Ибо с тех пор, как в ходе экономического развития пролетарий оказался рабом капиталистического способа производства, именно такая духовная жизнь становится глубочайшей потребностью его души. Но та духовная жизнь, которую господствующие классы передают ему в виде идеологии, лишь опустошает душу человека. В требованиях и устремлениях современного пролетариата живет тоска по совершенно иному пониманию духовной жизни. Существующий общественный строй не может ему этого дать. Отсюда и родится подлинная движущая, направляющая сила современного социального движения. Но этого не понимают ни в пролетарских, ни в непролетарских классах общества. Ибо непролетарские классы не страдают от того идеологического отпечатка, которым - под их же влиянием - отмечена вся духовная жизнь современного общества. Пролетарий от этого страдает. Но идеологическая форма, присущая духовной жизни, унаследованной им от ведущих классов, лишила его возможности поверить в реальную движущую силу какого бы то ни было духовного достояния вообще. От правильного понимания сложившегося таким образом положения зависит и правильное определение пути, ведущего к устранению социальных потрясений современности. Общественный строй, возникший в ходе развития экономической системы капитализма, закрывает доступ к этому пути. *Должна быть найдена сила, способная его открыть.*

На этом пути необходимо прежде всего пересмотреть ряд общепринятых представлений, чтобы подойти к правильному пониманию всей значимости того

факта, что общественный строй, в котором духовная жизнь приняла характер идеологии, лишается тем самым одной из тех сил, от совокупного действия которых зависит жизнеспособность социального организма. Болезнь нашей эпохи - практическое бессилие духовной жизни. И болезнь эта усугубляется нежеланием признать ее существование. Признав же ее, мы получим основу для развития идей, ведущих к правильному пониманию социального движения нашей эпохи.

В настоящее время пролетарий ошибочно полагает, что определяющей силой его души является его *классовое сознание*. В действительности же он, со времени своего порабощения капиталистической экономикой, жаждет духовной жизни, но такой, которая отвечала бы запросам человеческой души и *давала бы ему сознание своего человеческого достоинства*. Но из духовной жизни, воспринятой в виде идеологии, пролетарий ничего не может почерпнуть для своего человеческого самосознания. *Такого* самосознания он жаждет, но, не находя его, подменяет *классовым* сознанием, порождением экономических условий жизни.

Его взор как бы под действием мощных сил внушения обращен только на экономические условия жизни. И он уже не верит, что где-либо из других областей жизни - в чем-то духовном или душевном - может родиться импульс необходимых социальных преобразований. Он верит только, что пути развития внедуховных и внедушевных, чисто экономических отношений должны привести к такому общественному устройству, в котором *он* получит, наконец, условия жизни, соответствующие его представлению о человеческом достоинстве. Таким образом, он с необходимостью приходит к мысли, что его спасение заключается только в преобразовании экономической жизни общества. Волей-неволей он усваивает убеждение, что в результате одного только преобразования экономической жизни должны исчезнуть все бедствия, проистекающие от частного предпринимательства, от эгоизма отдельных предпринимателей, лишаящих других предпринимателей возможности пойти навстречу рабочим в удовлетворении их справедливых притязаний на достойное человека существование. Так современный пролетарий приведен к убеждению, что единственный путь спасения заключается в том, чтобы систему частной собственности на средства производства заменить *общественной организацией* производства, или даже установить полную *общественную собственность* на средства производства. Это убеждение возникло потому, что люди до некоторой степени отвернулись от всего душевного и духовного в общественной жизни и устремили свой взор *только* на происходящий в ней чисто экономический процесс.

Отсюда проистекает одно противоречие, заключающееся в современном пролетарском движении. Пролетарий верит, что развитие экономики, самой экономической жизни должно дать ему в конце концов всю полноту человеческих прав. За эту полноту человеческих прав он и борется. Но таким образом, движущей силой экономической борьбы оказывается нечто такое, что никогда не могло бы явиться следствием одних только чисто экономических отношений. Очень важным, красноречивейшим фактом нашей современности является то, что в основе социальных устремлений, вытекающих из глубочайших жизненных потребностей современного человечества лежит нечто, что принимается за порождение самой экономической жизни, но что в действительности никогда не смогло бы возникнуть на основе *одних* только экономических закономерностей. Происхождение его можно скорее обнаружить, следуя той прямой линии

исторического развития, которая ведет от античного рабовладения через крепостное право феодальной эпохи к современному пролетариату. Какие бы формы капиталовложений, товарного и денежного обращения, землевладения и землепользования и т. д. ни существовали в современном обществе, в жизни этого общества сложилось одно характерное явление, до сих пор еще не осознанное во всей своей значимости. Не осознается оно и современным пролетариатом, хотя оно-то и является основной движущей силой его социальных устремлений. Дело в том, что в рамках капиталистической экономики существуют и обращаются только товары. Капиталистическая экономика имеет дело с процессами образования стоимости товаров. Но в капиталистическом обществе нашей эпохи товаром стало нечто такое, о чем современный пролетарий твердо знает: это *не должно быть товаром*.

В глубине жизненных инстинктов пролетария, во всем его подсознательном жизневосприятии живет чувство отвращения, внушаемое ему тем фактом, что он вынужден продавать свою рабочую силу работодателю точно так же, как на рынке продаются товары. Он испытывает отвращение от того, что его рабочая сила на рынке труда так же подвержена законам спроса и предложения, как и прочие товары. Это отвращение перед фактом превращения рабочей силы в товар, имеющее огромное значение для всего социального движения нашей эпохи, не получило до сих пор достаточно глубокого освещения в социалистических теориях. В действительности же именно отсюда возникает один из основных импульсов всего пролетарского движения. *Осознав* все его значение, мы сможем - в дополнение к выше охарактеризованному первому импульсу, вытекающему из идеологического характера духовной жизни современного общества - определить и второй важнейший импульс этого движения, тот, о котором поистине можно сказать, что он-то и придает социальному вопросу наших дней столь неотложный и жгучий характер.

В древности были рабы. *Весь* человек продавался и покупался как товар. При крепостном праве феодальной эпохи уже не весь человек, но все же значительная часть человеческого существа вовлекалась в экономический процесс. Капитализм же - это та сила, которая и до сих пор навязывает характер товара остатку человеческого существа - рабочей силе.

Я не хочу сказать, что этот факт остался незамеченным. Напротив - в социальной жизни нашей эпохи он известен как факт фундаментального значения, оказывающий огромное влияние на социальное движение рабочего класса. Но, исследуя это влияние, обращают внимание исключительно на экономические явления общественной жизни. Проблему товарного характера рабочей силы превращают в чисто экономическую проблему. Утверждают, что в ходе развития самой экономической жизни должны сложиться новые условия, новый способ включения рабочей силы в социальный организм, который уже не будет внушать пролетариату отвращение, не будет им восприниматься как нечто, унижающее его человеческое достоинство.

Хорошо известно, каким образом в ходе исторического развития сложился соответствующий экономический строй. Хорошо известно также, что этот экономический строй обратил рабочую силу пролетария в товар. Но, зная все это, люди не видят основного: что экономическая жизнь в силу присущих ей закономерностей *должна* превращать в товар все, что с ней связано.

Экономическая жизнь складывается из процессов производства товаров и их целесообразного потребления. И освободить рабочую силу человека от ее товарной формы можно лишь, найдя способ вырвать ее из закономерностей, управляющих экономическими процессами. Надо стремиться не к преобразованию экономического процесса с тем, чтобы *в нем самом* рабочая сила обрела свои права. Вопрос ставится иначе: каким образом можно освободить рабочую силу человека от подчинения законам, управляющим экономическими процессами и перевести ее в сферу действия таких социальных отношений, в которых она освободилась бы от своей товарной формы? Пролетарий жаждет такого устройства экономической жизни, в котором его рабочая сила заняла бы подобающее ей достойное положение. Он стремится к этому, не понимая, что товарный характер рабочей силы обусловлен самим фактом ее полной включенности в экономический процесс. Когда рабочая сила пролетария включается в экономический процесс, он сам, как человек, также в него вовлекается. Экономический процесс в силу присущих ему закономерностей должен подчиняться принципу целесообразного потребления рабочей силы наравне с целесообразным потреблением прочих товаров до тех пор, пока регулирование рабочей силы останется в рамках этого процесса.

Как бы загипнотизированные могуществом современной экономики, люди устремляют свои взоры только на то, что способно действенно проявляться в экономической области. Но следуя этому направлению мысли, никак нельзя прийти к такому общественному устройству, в котором рабочая сила перестала бы быть товаром. Ибо любая другая форма экономической жизни будет лишь другим способом превращать рабочую силу в товар. Проблема рабочей силы в ее истинном образе, как часть общей социальной проблемы наших дней, разрешима лишь, если мы осознаем, что экономические законы, управляющие производством, обменом и потреблением товаров, относятся к той области человеческих интересов, из-под власти которой человеческая рабочая сила должна быть изъята.

Современное мышление не различает два совершенно разных способа включения в экономическую жизнь: с одной стороны, в экономическую жизнь вовлекается рабочая сила, по природе своей неразрывно связанная с самим человеческим существом, а с другой стороны - в ней обращаются товары, не связанные по своей природе с человеческим существом, подчиняющиеся законам товарного производства и потребления. Двигаясь по пути раскрытия этого различия, здоровое мышление могло бы раскрыть и истинный образ вопроса труда. А тем самым уяснился бы и ответ на вопрос, какое же положение должна занимать сама экономическая жизнь в здоровом социальном организме?

Из сказанного видно уже, что рассмотрение "социального вопроса" расчленяется, собственно, на три части: в первой - определяются принципы здорового устройства духовной жизни в социальном организме; во второй - рассматриваются трудовые отношения людей в правовой структуре общества; в третьей - выясняются вытекающие отсюда формы экономической деятельности людей.

II. КАК ПОДОЙТИ К РЕШЕНИЮ

СОЦИАЛЬНОГО ВОПРОСА НА ОСНОВЕ ПОДЛИННЫХ ЗАПРОСОВ И ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Характерные черты нашей эпохи, объясняющие также и характерные особенности нашего социального вопроса, можно определить так: экономика, движимая развитием техники и капиталистический строй, действуя с некой, как бы природной, закономерностью, сформировали современное общество, придав ему определенную внутреннюю структуру. Внимание людей приковано к развитию техники и капиталистической экономики; и слишком мало внимания уделяется другим частям, другим областям социального организма. А между тем для оздоровления всего социального организма в целом необходимо правильно определить не только сферу экономической деятельности, но и сферы деятельности других областей общественной жизни.

Чтобы наглядно пояснить тот метод *широкого, всестороннего* рассмотрения социальной проблемы, который положен в основу настоящей книги, я позволю себе одно сравнение. Необходимо подчеркнуть, что здесь имеется в виду именно сравнение; его цель - лишь помочь человеческому разуму правильно распознать направление пути, ведущего к оздоровлению социального организма.

Посмотрим на самый сложный биологический организм - организм человека. В сущности, его строение представляет собой три совместно действующие системы, каждая из которых обладает известной самостоятельностью. Эти три совместно действующие системы можно охарактеризовать приблизительно так: в живом человеческом организме существует, во-первых, особая организация, охватывающая *жизнь нервов и органов чувств*. Эту область по важнейшему ее члену, являющемуся 'центром нервной деятельности и органов чувств, можно назвать *головной* системой в организме человека.

Чтобы подойти к всестороннему пониманию человеческого существа, второй его составной частью надо признать то, что я хотел бы назвать *ритмической* системой организма. Сюда относится все, связанное с *дыханием и кровообращением*, все *ритмические* процессы, происходящие в организме.

К третьей системе можно отнести органы и функции, *непосредственно связанные с обменом веществ*.

Во взаимодействии этих трех систем, органически между собою связанных, и заключается то, что составляет здоровую жизнедеятельность человеческого организма.* (* Здесь имеются в виду не пространственно разграниченные члены тела, а расчленение работы (функций) организма. О головной системе можно говорить лишь в том смысле, что жизнедеятельность нервной системы и органов чувств сосредоточена преимущественно в голове. Разумеется, и в голове проявляется жизнедеятельность ритмической системы и системы обмена веществ, также как во всех других членах тела проявляется деятельность нервов и органов

чувств. Тем не менее эти три вида деятельности *по своему существу* строго разграничены.)

Эту трехчленность телесного существа человека я уже характеризовал в книге "О загадках души" - по крайней мере, в общих чертах - в полном соответствии с теми данными, которыми уже теперь располагает научное естествознание. Несомненно, дальнейшие достижения биологии, физиологии и других наук, поскольку они касаются человека, должны в ближайшее время подойти к представлению о человеческом организме как о совокупности трех систем: головной, циркулярной или грудной и системы обмена веществ - такой совокупности, в которой общий процесс жизнеобеспечения поддерживается и развивается именно потому, что каждая из этих систем обладает известной самостоятельностью, что абсолютной централизации в человеческом организме *не* существует, и что каждая из этих систем имеет свои особые, автономные связи с внешней средой. Головная система осуществляет эти связи через органы чувств, циркулярная или ритмическая система - через дыхание, а система обмена веществ - через органы питания и движения.

Такой взгляд на существо человеческого организма, почерпнутый из основ духовноведения и прилагаемый здесь к выяснению естественнонаучной проблемы - проблемы жизнедеятельности организма, - не может еще в настоящее время рассчитывать на всеобщее признание в рамках существующей науки, в пределах применяемых ею методов научного исследования. Как бы ни было желательно такое признание в интересах дальнейших успехов науки, нельзя не видеть, что нам, с нашими навыками мышления, со всем нашим строем представлений о мире, еще не под силу полностью охватить и осознать то, что действует в человеческом организме, например, как внутреннее существо жизни природы.

Легко, конечно, сказать: "Ну что же, с естествознанием* можно и подождать, пусть оно постепенно приблизится к вашим идеям, когда-нибудь оно придет к признанию ваших методов исследования." Но когда речь идет об исследовании социального организма и особенно о практике социальной жизни - нельзя ждать. Здесь уже не только в сознание специалистов-ученых, но в сознание всех людей - так как все люди участвуют в жизни социального организма - должно проникать, хотя бы сначала только инстинктивно, представление о том, что именно нужно для блага этого социального организма. Здоровое мышление и чувство, здоровая воля к социальной деятельности могут развиваться лишь при наличии - пусть не полностью осознанного, как бы инстинктивного - представления о том, что здоровый социальный организм должен быть таким же трехчленным, как организм природный.

Со времени появления книги *Шеффле о строении общественного организма*⁷ неоднократно проводились различные аналогии между биологическим организмом, скажем, организмом человека, и человеческим обществом как таковым. Доискивались, что именно в социальном организме соответствует отдельной клетке, клеточной структуре, различным видам тканей и т. д.! В недавно появившейся книге *Мерея "Мировая мутация"*⁸ автор попросту переносит определенные естественнонаучные факты и законы в область общественной жизни людей, прилагая их к тому, что он называет "общественным организмом". С подобными попытками, со всей этой игрой в аналогии настоящая книга не имеет абсолютно ничего общего. Увидеть и здесь такую же игру

аналогиями между биологическим организмом и организмом общественным - значит пройти мимо самой основы предлагаемого метода. Автор далек от намерения перенести в область социального организма выводы, относящиеся к фактам естествознания. Здесь имеется в виду совсем другое: надо, чтобы человек, рассматривая жизнь биологического организма как в непосредственном восприятии, так и в мышлении, научился бы распознавать в нем принципы его жизнеспособности. А усвоенный таким образом способ восприятия мог бы применить и к изучению жизни социального организма. Если же мы попросту, как это часто делается, будем прилагать выводы, почерпнутые из изучения биологических организмов, к социальному организму, то лишь докажем этим свою неспособность рассматривать социальный организм как таковой, во всем его своеобразии, исследовать его собственные законы жизни, как это признается необходимым при исследовании биологических организмов. С момента, когда мы действительно объективно, подобно естествоиспытателю, обращаемся к биологическому организму, подойдем к изучению социального организма во всем его своеобразии, чтобы исследовать его собственные законы жизни - с этого момента, перед лицом величайшей серьезности рассматриваемой проблемы, должна полностью отпасть пустая игра в аналогии.

Читатель может также подумать, что в основе всего вышеизложенного лежит мысль о возможности сознательно "построить" социальный организм согласно некой отвлеченной теории, заимствованной из естествознания. Но в действительности все здесь сказанное глубоко чуждо такой точке зрения. Совсем другое имеется здесь в виду. В настоящий исторический момент человечество переживает глубокий кризис. Для преодоления его необходимо, чтобы в сознании людей, в сознании каждого человека возникали и развивались *социально положительные* чувства и восприятия, и чтобы это развитие также стимулировалось всей системой воспитания и образования, как теперь, например, стимулируется овладение четырьмя действиями арифметики. "Социальные инстинкты", т. е. те силы, которые до сих пор, не доходя до сознания людей, созидали прежние формы социального организма, в дальнейшем должны утратить свою действенность. В нашу эпоху в жизнь человечества вступают новые импульсы исторического развития - импульсы *сознания*. И под действием этих импульсов складывается положение, когда от каждого человека потребуются развитие определенных социально положительных чувств и восприятий по отношению к миру и обществу, подобно тому, как в нашу эпоху от каждого человека уже давно требуется определенное школьное образование. Отныне от каждого человека потребуются, чтобы он научился правильно воспринимать действие тех положительных сил социального организма, которые поддерживают его жизнеспособность и здоровую жизнедеятельность. Среди людей все больше должно распространяться сознание, что человек, включающийся в социальный организм без такого рода положительных чувств и восприятий, совершает нечто нездоровое, антисоциальное.

Много говорится теперь о "социализации" как о настоятельной необходимости нашей эпохи. Но такого рода социализация - знахарство, а не подлинно целительное средство. Оно может оказаться и совсем разрушительным, если в человеческие души не проникнет хотя бы смутно *инстинктивное* сознание необходимости *трехчленного* устройства общества. Для своей здоровой жизнедеятельности социальный организм нуждается в закономерном развитии

всех трех областей или членов общественной жизни.

Один из этих членов - экономическая жизнь общества. Мы должны начать с ее рассмотрения, т. к. совершенно очевидно, что в связи с развитием техники и капиталистического производства именно экономические отношения, экономика особенно глубоко внедрились в человеческое общество и господствуют над всей его жизнью. Экономическую систему надо признать самостоятельным членом социального организма, таким же относительно самостоятельным, как относительно самостоятельна нервная система и органы чувств в человеческом организме. Экономическая система имеет дело со всем тем, что относится к производству, обмену и потреблению товаров.

Второй член социального организма охватывает всю область публичного права, т. е. политическую жизнь, все то, что в духе старых понятий о правовом государстве можно назвать областью собственно государственных отношений. Если экономика имеет дело со всем тем, в чем человек нуждается и что он потребляет из продуктов природы и из продуктов производства, т. е. с товарами, товарообращением и потреблением, то во втором члене социального организма мы имеем дело с отношениями между людьми, как таковыми, с отношениями человека к человеку. Для правильного понимания трехчленности социального организма чрезвычайно важно уяснить различие между правовой системой, имеющей дело только с чисто человеческими отношениями, с отношениями человека к человеку, с одной стороны, и системой экономики, имеющей дело *только с* производством, обращением и потреблением товаров, с другой. Это различие надо ощутить в самой жизни, чтобы следствием такого ощущения явилось представление о необходимости функционального разделения экономической и государственно-правовой организации общества, подобно тому, как в организме человека функции легких, перерабатывающих поступающий извне воздух, отделены от функций нервной системы и органов чувств.

К *третьему члену* социального организма, обладающему такой же относительной самостоятельностью, как и два первых, принадлежит все то, что относится к духовной жизни людей. Однако выражения "духовная культура" или "все, что относится к духовной жизни людей" - недостаточно точны. Третий член социального организма можно определить точнее: сюда относится все, что основывается на прирожденных дарованиях и способностях отдельных человеческих индивидуумов, все, что должно включаться в социальный организм на основе индивидуальных - как духовных, так и физических - способностей отдельных людей. Если экономическая система призвана доставлять человеку все, в чем он нуждается для материальной связи с внешним миром, а правовая система призвана доставлять ему все, что нужно для взаимоотношений между людьми, равными по своей природе, то третий член социального организма призван иметь дело со всем тем, что проистекает из индивидуальных способностей людей и что должно включаться в социальный организм именно на этой основе - на основе индивидуальных одаренностей людей.

Если верно, что характерные черты нашей общественной жизни исторически сложились в ходе развития новейшей машинной техники и капитализма, то столь же верно, что для исцеления бедствий, причиненных этим развитием человеческому обществу, необходимо прежде всего установить правильное соотношение трех членов социального организма, как для каждого человека в

отдельности, так и для человеческого общества в целом. Существующие формы экономической жизни сложились сами собой, на основе своих определенных закономерностей. Именно в силу такого одностороннего развития экономические отношения и оказывают столь определяющее воздействие на все области человеческой жизни. Два других "члена" общественной жизни до сего времени не имели возможности развиваться с такой же естественностью и включаться в целостный общественный организм на основе своих собственных, присущих им закономерностей. Для их здорового развития необходимо, чтобы под действием тех новых социально положительных чувств и восприятий, о которых было сказано выше, каждый человек на занимаемом им месте в обществе ощущал бы и осуществлял в своей жизни эту тройственную расчлененность. Ибо в духе предлагаемого здесь способа решения социального вопроса у каждого отдельного человека есть своя особая задача в социальной жизни нашей эпохи и ближайшего будущего.

Первый член социального организма - экономика - развивается на основе природных условий, подобно тому, как каждый отдельный человек в процессе обучения, воспитания, в ходе самой жизни развивается на основе своих природных - духовных и физических - свойств. Эта природная основа накладывает свою печать на экономику, а тем самым и на всю жизнь общества. Она существует как данность, прежде какой бы то ни было социальной организации и помимо нее. На этой природной основе неизбежно строится вся жизнь социального организма, подобно тому, как воспитание человека строится на основе его природных дарований в той или иной области, на основе его физических и духовных способностей. Любая социализация, любая экономическая организация не может не учитывать природных условий среды. Ибо в основе всякого товарообращения, и всякого человеческого труда, и всякой культуры лежит в качестве первоначального элемента некая часть природы, к которой человек в своей деятельности прикован. Социальный организм точно также зависит от своей природной основы, как каждый человек в процессе обучения зависит от своих природных способностей. Сказанное можно лучше всего уяснить на крайних примерах: в тех местностях земного шара, где бананы являются легко доступным предметом питания, требуются все же определенные затраты труда, чтобы доставить бананы от места произрастания до места назначения и превратить их таким образом в предмет потребления. Но сравните затраты труда, необходимые для превращения *банана* в предмет потребления, с теми затратами труда, которые требуются, например, у нас в Средней Европе, чтобы вырастить пшеницу и довести ее до потребителя. По самым скромным подсчетам производство бананов требует в триста раз меньше труда, чем производство пшеницы.

Разумеется, это крайний случай. Но подобные различия, касающиеся необходимых затрат труда в зависимости от природных условий, имеются также и в других отраслях производства, в пределах какой-либо одной страны. Может быть, не столь резкие, как в примере с бананами и пшеницей, но эти различия существуют. Таким образом, экономической организации присуща определенная зависимость между ее природной средой и той мерой труда, которую человек должен внести в экономический процесс. Так, например, в *Германии*, в районах со средней урожайностью пшеницы урожай этой культуры по сравнению с посеянной пшеницей обычно получают в соотношении *один к семи, один к восьми*, в *Чили* - *один к двенадцати*, в *Северной Мексике* - *один к семнадцати*, а в

Перу даже один к двадцати (См. Jentsch, Volkswirtschaftslehre, S. 64).⁹

Весь этот взаимосвязанный комплекс, вся эта цепь процессов, которые начинаются с отношений человека к природе и продолжаются в трудовой деятельности, во всем, что человек должен сделать, чтобы продукты природы превратить в предметы потребления, все эти процессы - и только они - составляют в здоровом социальном организме его экономическую систему.

Экономическая система включена в состав социального организма подобно тому, как головная система, от которой зависят индивидуальные свойства человека, включена в его телесный состав. И подобно тому, как деятельность головной системы связана с деятельностью легких и сердца, так и деятельность экономической системы общества связана с приложением человеческого труда. Как голова не может прямо и непосредственно распоряжаться процессами дыхания, так и трудовая деятельность человека не должна непосредственно подчиняться силам, действующим в самой экономической системе.

В сферу экономических отношений человек включается через свои интересы, основа которых заложена в его телесных, душевных и духовных потребностях. Каким именно образом люди могут найти в социальном организме наиболее полное удовлетворение своих интересов - так, чтобы каждый человек, получая от социальной организации все, что ему нужно, сам в то же время наиболее полезным и целесообразным способом участвовал в экономической жизни - в этом и заключается проблема, которая должна практически решаться учреждениями, составляющими экономическую систему общества. Для этого нужно прежде всего, чтобы человеческие интересы могли действительно свободно проявляться и развиваться, и чтобы в общественной жизни людей существовали и стимулы, и возможности заниматься деятельностью, необходимой для удовлетворения этих интересов. Интересы человека сами по себе зарождаются за пределами собственно экономических отношений; они возникают в процессе развития его душевного и телесного существа. Создание же учреждений, служащих для удовлетворения этих интересов, и составляет задачу экономической организации общества. Экономические учреждения могут иметь дело только с производством и обменом товаров, т. е. тех благ, ценность которых обуславливается потребностями человека. Товар получает свою ценность от человека, который его потребляет.¹⁰ Благодаря тому, что ценность товара связана с интересами потребления, процессы производства товаров и товарообмена совершенно иначе включаются в социальный организм, чем все то, что имеет ценность для человека не как потребителя, а как члена общества. Стоит лишь без всякой предвзятости рассмотреть экономические отношения людей, охватывающие производство, обмен и потребление товаров, чтобы заметить *существенную* разницу между отношениями людей, возникающими там, где один производит товар для другого, и теми правовыми отношениями, в которых они выступают как члены человеческого общества. Важно не только заметить эту разницу, но и осознать вытекающий отсюда практический вывод: правовые отношения людей должны быть полностью независимыми от экономических. В кругу экономической деятельности, из тех отношений, которые возникают в процессе производства и обмена товаров, не могут непосредственно родиться наилучшие импульсы, направляющие сознание людей к тем более высоким формам правоотношений, которые должны существовать между людьми в соответствии с их человеческим достоинством. На почве экономических

отношений человек обращается к другому потому, что один служит интересам другого; отношение же одного человека к другому на почве права имеет основы, в корне отличные от экономических.

Может показаться, что это различие, диктуемое самой жизнью, достаточно осознано и принимается во внимание в современном обществе, поскольку в организации самих экономических учреждений - промышленных предприятий, например, - предусматриваются взаимные права и обязанности участвующих в них людей. Однако такое мнение не имеет корней в действительной жизни. Правовое отношение, связывающее человека с человеком, только тогда может правильно осознаваться в своей особой природе, когда оно рождается не из экономических отношений, а вырастает на совершенно иной почве. Поэтому в здоровом социальном организме, наряду с областью экономической жизни, должна существовать и развиваться независимая от нее самостоятельная область правовой жизни общества. Здесь, в этой отрасли социальной организации, должны создаваться и регулироваться правовые отношения человека к человеку. Эта область правовых отношений является, собственно, областью политической жизни общества, его государственной организацией. Если же экономические интересы, которым люди должны служить в своих экономических учреждениях, вносятся в законодательство и в государственное управление, то возникающие *таким путем* правоотношения являются лишь выражением этих экономических интересов. Также и в тех случаях, когда государство само становится экономической хозяйственной организацией, оно теряет свою правосозидающую функцию, утрачивает способность регулировать человеческие отношения на основе права. Ибо в таком случае его мероприятия и учреждения неизбежно становятся средством удовлетворения товарно-потребительских интересов людей. А тем самым они отклоняются от следования тем импульсам, под действием которых складываются понятия о праве и справедливости.

Для здоровой жизнедеятельности общества необходимо, чтобы в нем, наряду с экономической системой, существовала бы, в качестве второго самостоятельного члена социального организма, независимая от экономики, политико-государственная система. В автономной экономической организации, под действием закономерностей, свойственных самой экономической жизни, будут слагаться учреждения, способные наилучшим образом служить интересам потребления - производству и обмену товаров. В политической же, государственной организации, свободной от экономических воздействий, должны слагаться учреждения, в которых взаимоотношения между отдельными людьми и группами людей смогут развиваться, следуя своим собственным законам - законам человеческого правосознания.

Изложенная здесь идея полного отделения государственно-правовых отношений от экономических вытекает из *подлинной* человеческой жизни. Этого не признают те, кто стремится объединить обе эти области человеческих отношений воедино. Разумеется, все люди, занятые экономической деятельностью, обладают в то же время правосознанием. Но осуществлять законодательные и административные функции, исходя *только* из правосознания, а не из экономических интересов, люди смогут лишь в том случае, если эта правосозидающая деятельность получит особую организацию в виде государственно-правовой системы, не участвующей, как таковая, в экономической жизни общества. Правовое государство должно иметь свои собственные законодательные и административные учреждения,

построенные на принципах, присущих правосознанию нашей эпохи - на принципах, называемых ныне принципами демократии. Экономическая же система должна строить свои регулирующие и управляющие учреждения на иных принципах, на принципах, вытекающих из закономерностей, присущих экономической жизни. Необходимые связи и сношения между *руководствами* этих двух систем могут осуществляться приблизительно так, как ныне осуществляются сношения между правительствами суверенных государств. Именно благодаря функциональному разделению этих двух систем деятельность каждой из них получит возможность оказывать необходимое и благотворное влияние на деятельность другой. Препятствия для такого правильного двустороннего взаимовлияния создаются как раз там, где одна область стремится в самой себе развить силы, которые закономерным образом должны притекать к ней от другой.

Экономическая жизнь, с одной стороны, подчинена природным условиям - климатическим, географическим, почвенно-климатическим и т. д. С другой стороны, она зависит от правоотношений, устанавливаемых государством, между людьми и группами людей, участвующих в экономической деятельности. Этим определяются границы, в пределах которых может и должна развиваться экономическая деятельность общества. Природа создает материальные условия общественной жизни, которые сами по себе лежат за пределами экономики; в своей экономической деятельности человек должен принимать их как некую первичную данность, на основе которой он только и может строить свое хозяйство. Точно также и правоотношения между людьми в их хозяйственной деятельности, регулируемые государством, создают определенный правопорядок; по отношению к экономической жизни общества он существует и действует, как некая независимая от экономики данность, подобно независимой от экономики данности природных условий.

В современном социальном организме, сложившемся в ходе исторического развития человечества, в ходе развития машинной техники и капиталистического экономического строя, определивших также и характер социального движения нашей эпохи, область экономики охватывает гораздо более обширный круг отношений, чем это необходимо в здоровом социальном организме. В настоящее время в экономический кругооборот, где должны обращаться только *товары*, вовлечена также рабочая сила, вовлечены права. В современной экономической системе, основанной на разделении труда, обмениваются не только товар на товар: посредством такого же экономического процесса в ней обмениваются товары и труд, товар и право. (Товаром я называю то, что в результате тех или иных человеческих действий приведено в такое состояние и доставлено в такое место, где оно может стать предметом потребления. Это определение, может быть, покажется ученым экономистам неприемлемым или недостаточным, но для понимания истинных границ, очерчивающих область экономической жизни, оно может быть полезно).* (* В нашем изложении, направленном на служение чисто жизненным целям, важны не определения, вытекающие из каких-либо теорий, но идеи, образно представляющие то, что действительно происходит в жизни. Вышеприведенное понятие "товара" указывает на то, как человек переживает это понятие в своем жизненном восприятии. Всякое иное понятие "товара" либо опускает, либо прибавляет нечто, так что такое понятие уже расходится с жизненным процессом в его истинной действительности.) Продажа земли должна рассматриваться как обмен земельного участка на товары, выступающие в форме

денежной суммы, уплаченной за землю. Однако земельный участок, сам по себе, не является предметом потребления, не является товаром. В экономический оборот вовлекается здесь *право* человека на использование данного участка. Право собственника, связывающее человека с земельным участком, по самому существу своему отличается от правоотношения производителя к произведенному им товару. Это последнее не включает в себе тех элементов, благодаря которым земельная собственность вторгается в область совсем других отношений, отношений человека к человеку, которые возникают в силу исключительного права пользования землей. Люди, работающие на данном участке для своего пропитания или живущие на нем, попадают в зависимость от земельного собственника. При обмене же настоящих товаров, т. е. благ, которые производятся и потребляются, подобных отношений зависимости между индивидуумами не возникает.

Стоит только без всякой предвзятости обратиться к этим фактам простого жизненного опыта, и нам станет ясно, что они должны найти свое выражение в построении здорового социального организма. Пока в экономическом кругообороте обмениваются товары на товары, их стоимости формируются вне зависимости от правовых отношений между отдельными людьми и группами. Но там, где в обмен товаров вмешивается право, где товар обменивается на право - как при покупке земли, например, - затрагиваются правовые отношения людей. Дело здесь не в товарообмене как таковом. Он - необходимый жизненный элемент современного, основанного на разделении труда социального организма; но дело в том, что через обмен права на товар само право становится товаром, поскольку право здесь возникает *внутри* самой экономической жизни. Предотвратить это превращение права в товар можно лишь в том случае, если в социальном организме будут созданы двоякого рода институты: с одной стороны, институты, задача которых заключается *только* в том, чтобы целесообразнейшим образом организовывать кругооборот товаров, а с другой стороны - институты, регулирующие права, принадлежащие людям - участникам процессов товарообмена, права производителей, посредников-торговцев и потребителей. *Такого рода* права, связанные с товарообменом, по существу ничем не отличаются от прав, возникающих из других отношений между людьми, вне связи с экономическим кругооборотом. Если человек причиняет другому вред или, напротив, приносит пользу путем продажи товара, то в моральном и социальном отношении эта продажа имеет точно такое же значение, как любое другое, не связанное с товарооборотом действие, посредством которого один человек вредит другому или, напротив, приносит ему пользу.

Каждый человек испытывает в своей жизни воздействия, исходящие от существующего в данном обществе правопорядка, с одной стороны, и воздействия чисто экономического характера, с другой. В здоровом социальном организме те и другие должны получить различные, присущие их природе, формы. В экономической организации действия руководящих лиц должны определяться близким знакомством с данной отраслью экономической деятельности, опирающимся на специальную подготовку данного лица и на приобретенный в ней опыт. В правовой же организации, в ее законодательных и административных мероприятиях, должны реализовываться те отношения между людьми и группами людей, которые вытекают из требований общечеловеческого правосознания. В экономической организации трехчленного общества люди будут объединяться в союзы, связанные, например, общностью профессии, или

потребительскими интересами, или иными общими интересами и задачами. В многостороннем взаимодействии подобного рода союзов будет складываться их общее хозяйство - экономическая организация общества. Эта организация будет строиться на ассоциативной основе и на отношениях ассоциаций между собой. Ассоциации будут развивать только чисто экономическую деятельность. Правовую же основу, на которой они работают, обеспечит правовая организация. Поскольку такие экономические ассоциации получают полную возможность отстаивать свои интересы в представительных и административных органах самой экономической системы, отпадет их стремление участвовать в работе законодательных или административных органах правового государства (как, например, союз землевладельцев, партия промышленников или социал-демократическая партия со своей экономической программой), чтобы в них добиваться того, чего они не могли бы достигнуть в рамках экономической системы. Если же правовое государство полностью откажется от всякой экономической деятельности, оно сможет создавать и поддерживать правопорядок, опираясь только на правосознание созидających его людей. Тогда, если даже в представительных органах государства - что само собой разумеется - будут заседать те же лица, которые участвуют и в экономической жизни общества, то все же, благодаря полному функциональному разделению правовой и экономической организаций, будет уничтожено пагубное подчинение права влияниям экономики. Это подчинение разрушает социальный организм как там, где государство берет в свои руки выполнение тех или иных хозяйственных функций, так и там, где представители экономических организаций руководят законодательной деятельностью государства.

Типичным примером сращения права и экономики может служить австрийская избирательная система 60-х годов XIX века. Члены рейхстага избирались по четырем куриям, представляющим четыре отрасли экономики: крупное землевладение, торговые палаты, города и промышленные поселения, сельские общины. Ясно, что при таком составе правящего государственного органа правосозидающая деятельность государства - по мысли авторов конституции - должна складываться под воздействием экономических отношений. Несомненно, совершившийся на наших глазах распад Австро-Венгерской империи объясняется прежде всего сепаратистскими тенденциями составлявших ее национальностей. Однако столь же несомненно, что и сращенность правовой и экономической организации играет немалую роль: самостоятельная - в духе "трехчленности" - государственно-правовая организация, действующая независимо от экономических интересов, могла бы и здесь - в условиях многонационального государства - создать правопорядок, основанный на общечеловеческом правосознании, при котором содружество национальностей стало бы возможным.

Люди, интересующиеся в настоящее время вопросами общественной жизни, занимаются большей частью проблемами, имеющими лишь второстепенное, частное значение. Причина - в укоренившейся привычке рассматривать социальный организм как нечто по существу монолитное. Для такого монолитного образования нельзя, например, подобрать соответствующей ему избирательной системы. Ибо при *любой* избирательной системе в представительных органах такого слитного, нерасчлененного общества экономические интересы неизбежно будут сталкиваться с требованиями правосознания. А из этих столкновений *должны* рождаться потрясения, расшатывающие весь социальный организм. Поэтому бесполезно заниматься

такого рода частичными реформами. Во главу угла всех социальных преобразований в настоящее время необходимо поставить одну цель - радикальное разделение экономической и правовой организации общества. По мере углубления процесса разделения обе организации, опираясь на присущие им собственные закономерности, сами найдут наилучшие способы выбора и назначения своих законодателей и управителей. По сравнению с действительно первоочередными задачами современности вопросы, касающиеся выборов, хотя и очень значительные сами по себе, должны все же отойти на второй план. Там, где старые порядки еще сильны, следует вести работу в нужном направлении, оставаясь на почве существующих установлений. Там, где старый порядок уже разрушен или находится в состоянии распада, отдельные лица и объединения должны взять на себя инициативу создания новых общественных организаций в духе намечаемого преобразования всей социальной жизни. Решительное преобразование всех социальных отношений "одним махом" считается теперь, даже в социалистических кругах, утопией. Свою программу оздоровления социальной жизни социалисты рассчитывают провести путем постепенных, "практически обоснованных" реформ. Однако все, кто не ослеплен застарелыми предубеждениями, не могут не видеть, что факты современности неопровержимо доказывают созревшую в ходе исторического развития неотложную необходимость нового социального строя.

Кто признает "практически обоснованными" лишь мероприятия, не выходящие из узкого круга привычных представлений, сочтет все здесь сказанное "непрактичным". Если такой человек не изменит своих взглядов, то, даже пользуясь в какой-либо области общественной жизни значительным влиянием, он ничем не сможет помочь оздоровлению социального организма; больше того - он поспособствует его дальнейшему разрушению, подобно тому, как люди его образа мыслей уже содействовали возникновению современной ситуации.

Давно уже наметившаяся в правящих кругах тенденция к передаче ряда отраслей экономической деятельности (почта, железные дороги и пр.) в руки государства должна быть заменена противоположной тенденцией, тенденцией к освобождению всей экономической деятельности из области политикогосударственных отношений. Наши новые государственные деятели, убежденные, что их социальные идеи направляют человечество на путь истинного оздоровления социальной жизни, лишь доводят до крайних выводов тенденции своих предшественников к огосударствлению экономической жизни общества. Они стремятся к полному огосударствлению материальных средств экономики, к огосударствлению средств производства. Но действительно здоровое развитие общества должно привести к полной самостоятельности экономической системы. Политическая, государственная система получит тогда возможность через создаваемый ею правопорядок влиять на экономические отношения людей таким образом, чтобы положение, занимаемое каждым человеком в социальной организации, не вступало в противоречие с его правосознанием, с его чувством человеческого достоинства.

Изложенные здесь идеи основаны на подлинных закономерностях человеческой жизни. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим положение труда в современном обществе. В условиях капиталистической экономики та работа, которую человек, используя свою физическую рабочую силу, выполняет для общества, включается в социальный организм путем купли-продажи: работодатель покупает у

работника его труд. Деньги (как эквивалент товаров) обмениваются на труд. Но в действительности такой обмен невозможен, он - только *видимость*.* (* В жизни те или иные процессы вполне могут не только пониматься в ложном смысле, но и в ложном виде происходить. Деньги и труд *не* являются взаимнообмениваемыми ценностями, деньги могут обмениваться лишь на продукты труда. Поэтому, если я даю деньги за труд, я совершаю нечто ложное. Я *совершаю* мнимый акт. Ибо в действительности я *могу* давать деньги не за труд, а только за продукты труда.) Реально работодатель получает от работника тот товар, который может быть изготовлен, если работник вложит в производство свою рабочую силу.¹¹ Часть стоимости произведенного товара получает работник, другую - работодатель. Производство товара - результат взаимодействия работодателя и работника. Только продукт их совместной деятельности - товар - способен вступать в экономический кругооборот, кругооборот товаров.

Для производства товаров необходимо некое правовое отношение между предпринимателем и работником. Но в условиях капиталистической экономики содержание этого правового отношения (прежде всего количество и характер работы и размеры оплаты) слишком часто определяется экономическим перевесом силы на стороне работодателя. В здоровом социальном организме должна обнаружиться очевидная нереальность экономического обмена труда на товар, невозможность покупать и оплачивать труд. Ибо сам труд как таковой не может быть экономическим эквивалентом товара: он не обладает потребительской стоимостью, сравнимой со стоимостью товара. Лишь созданные трудом товары обладают стоимостью, сопоставимой со стоимостью других товаров. Количество и характер работы, которую человек должен выполнять, участвуя в производстве товаров, необходимых для жизни социального организма, должны определяться способностями данного человека, с одной стороны, и его правом на достойное человека существование - с другой. Такая правовая регулировка труда практически возможна лишь при условии полной независимости органов государственного управления от органов, руководящих экономической жизнью общества.

Правовые нормы, регулирующие труд, составят второй комплекс условий, влияющих на стоимость товаров, наравне с условиями природной среды. Стоимость одного товара может быть выше стоимости другого, если в силу природных условий добыча сырья для первого требует больше затрат труда, чем для второго. Точно также стоимость товара должна зависеть и от количества и характера труда, который вкладывается в производство в соответствии с правовыми условиями данного общества.* (* В силу такой связи труда с правовым порядком экономическим ассоциациям придется в своей работе считаться с тем, что является "справедливым", как с неким *предварительным условием*. Но этим будет достигнуто то, что экономическая организация будет подчинена человеку, а не человек экономической структуре.)

Таким образом, экономическая деятельность общества будет подчинена закономерностям двоякого рода: с одной стороны, экономические отношения окажутся под воздействием природных условий, с которыми человечество должно считаться как с фактом, а с другой стороны - под воздействием правовых условий, определяемых правосознанием и создаваемых государственной организацией, независимой от экономической организации общества.

Ясно, что при такой системе управления социальным организмом экономическое благосостояние общества может повышаться или понижаться в зависимости от того, какое количество труда вкладывается в производство в соответствии с нормами общественного правосознания. Но именно такое подчинение экономических достижений требованиям человеческого правосознания - необходимое условие здоровой жизнедеятельности социального организма. Только таким путем можно избавить человека от самой возможности попасть в положение, когда все его силы поглощаются и используются экономикой настолько, что свой образ жизни он уже не может считать образом жизни, достойным человека. А как раз в этом и заключается действительный источник всех социальных потрясений.

Подобно тому, как природные условия хозяйственной деятельности могут быть улучшены с помощью тех или иных технических мероприятий, повышающих, например, плодородие почвы, так и со стороны правового регулирования труда возможны мероприятия, изменяющие в интересах народного благосостояния количество и характер труда, допускаемого нормами права. Но эти изменения должны проводиться не под непосредственным воздействием экономики, а лишь на основе определенных *выводов*, вырабатываемых правовой организацией общества, не зависимой от экономики.

Все, что совершается в экономической и правовой жизни общества, совершается силами, проистекающими из третьего источника - из индивидуальной одаренности отдельных людей. Эта область охватывает все человеческие деяния, служащие социальному организму - от высочайших духовных достижений до простейшей физической работы, выполняемой в соответствии с теми или иными физическими способностями человека. Все, проистекающее из этого источника, должно включаться в социальный организм совершенно особым способом, отличным от способов организации как товарно-экономических, так и правовых отношений. Существует только один способ правильной, здоровой организации этой области общественных отношений: все, что касается применения индивидуальных способностей человека, должно подчиняться побуждениям, исходящим только из самих этих способностей, с одной стороны, и из свободной оценки другими людьми результатов их применения, с другой. Если деяния и достижения человека, вытекающие из его индивидуальных способностей, находятся под воздействием по существу им чуждых, искусственных влияний со стороны экономических или государственно-правовых условий, то эти деяния и достижения в значительнейшей мере лишаются тем самым подлинного источника своих жизненных сил. Этот источник заключается в побуждениях, исходящих только из самих индивидуальных способностей людей. Если общественная оценка результатов применения этих способностей непосредственно зависит от их экономической пользы, или определяется государственной властью, то тем самым ослабляется или даже парализуется действие сил, составляющих единственно здоровую основу духовной жизни общества - свободное восприятие и оценка каждым человеком всех человеческих достижений. Для здорового развития духовной жизни, многообразнейшим образом связанной также с развитием всех прочих индивидуальных способностей людей, необходимо, чтобы "производство духовных благ" подчинялось только своим собственным закономерностям, закономерностям духовной жизни, а "потребление" этих благ другими людьми зависело только от их свободной оценки, от их свободного

понимания и сочувствия.

В настоящее время люди не осознают всего значения указанных здесь условий здорового развития духовной жизни. Понимание этих условий затемняется вследствие того, что ряд отраслей духовной жизни в течение последних столетий все больше поглощается государством, и люди все больше с этим свыкаются. Говорится, правда, о "свободе науки" и о "свободе школы". Однако считается само собой разумеющимся, что государство управляет "свободной" наукой и "свободной" школой. Люди не замечают, до какой степени государство тем самым подчиняет духовную жизнь своим государственным интересам. Считается, что государство лишь создает учреждения, служащие научным и образовательным целям, люди же, занятые в этих учреждениях, могут "свободно" развивать свою духовную деятельность. Но, свыкаясь с такой точкой зрения, люди перестают замечать, как тесно связано *содержание* духовной жизни человека с развитием его внутреннего душевного существа. И это развитие может совершаться подлинно свободно лишь в том случае, если человек включается в социальный организм, подчиняясь побуждениям, исходящим только из самой духовной жизни. Связь же с государственной организацией налагает свою печать не только на управление наукой и смежными с ней областями духовной жизни, но затрагивает самое их содержание. Разумеется, государство не может непосредственно повлиять на содержание, например, математических или физических истин. Но исторические и другие гуманитарные науки? Не отражается ли в самом содержании этих наук зависимость тех, кто ими занимается, от государственной организации и государственных интересов? Именно в силу этой зависимости все научные достижения в этой области и могут оцениваться современным пролетариатом только как идеология. Пролетариат видит, что определенные идеи формируются под влиянием государственной власти, служащей интересам правящих классов. В этих идеях он справедливо видит отражение экономических интересов и экономической борьбы. Отсюда в его сознании возникает и крепнет убеждение, что вся вообще духовная жизнь - только идеология, отражение экономической организации общества.

Подобные взгляды иссушают¹ духовную жизнь человека. От них можно избавиться, лишь гели в самом мироощущении людей укрепится чувство, что духовная жизнь - это особая реальность, выходящая за пределы материальной внешней жизни и обладающая своим собственным автономным содержанием. А такое чувство не может возникнуть до тех пор, пока духовная жизнь не получит возможности свободно развиваться и самоуправляться в социальном организме на основе своих собственных, присущих ей импульсов. Только в условиях свободного развития и автономного управления откроется для носителей духовной культуры такой источник творческих сил, что духовная деятельность сможет, наконец, занять в человеческом обществе подобающее ей положение. Искусство, наука, философия и все, что с ними связано, нуждаются в такой автономной организации. Ибо в сфере духовной жизни все сплетается воедино. Одна свободная область духовной культуры не может процветать, если несвободна другая. Пусть даже самое содержание математических и физических наук и не определяется непосредственно интересами государства, но направление научных изысканий, оценка их достижений, их влияние на духовную жизнь общества в целом и многое другое прямо зависит от государственной власти, поскольку государство организует научную работу. Одно дело, если учитель начальной школы обязан руководиться в своей деятельности требованиями

государственной власти; и совсем другое - если он сможет следовать только запросам и побуждениям, исходящим от автономной духовной жизни общества, в которой он сам свободно участвует. Социал-демократы и в этом вопросе - только наследники трафаретных понятий и навыков мышления, заимствованных от правящих классов. В их программе содержится требование о включении всей духовной культуры в единую общественную организацию, надстроенную над экономической системой. Но это значит пойти еще дальше по тому пути, который уже привел к обесценению духовной жизни. Социал-демократы выдвигают правильный лозунг: религия должна быть частным делом каждого. Ибо в здоровом социальном организме вся духовная жизнь по отношению к государству и по отношению к экономике должна быть - в указанном здесь смысле - "частным делом" каждого. Однако, отодвигая религию в область "частной жизни", социал-демократы вовсе не ставят своей задачей создать тем самым для этой области духовной культуры такую форму организации, которая открыла бы перед ней пути более высокого и плодотворного развития, чем это возможно в рамках государства. Социал-демократы считают, что общество должно вкладывать свои средства и заниматься только тем, что *ему* полезно и нужно. Религия же, по их мнению, под эту категорию не подходит. Но отдельная область духовной культуры, односторонне вырванная из сферы общественной жизни, не может процветать, если другие области "духовного производства" остаются в оковах государственной организации. Лишь в единении со всей освобожденной духовной жизнью может и религия внести в нашу современность свои силы, могущие давать опору душевному существу человека.

Как само "производство духовных благ", так и их восприятие другими людьми, должны зависеть только от душевных потребностей людей. Если педагог, художник и т.п. в своем социальном положении и деятельности будет непосредственно связан только с духовной организацией общества, действующей в соответствии с присущими ей закономерностями духовной жизни, то свободно развивая свою деятельность во всем ее индивидуальном своеобразии, он тем самым сможет развивать среди других людей столь же свободное встречное восприятие и сочувствие, укрепляя таким образом связи духовного взаимопонимания среди людей. Для этого необходимо, чтобы государственная организация, действующая в соответствии с нормами правосознания, возлагая на человека обязанность трудиться, предоставляла бы ему вместе с тем и право на досуг, необходимый для развития духовных потребностей и для восприятия духовных достижений. Воображающие себя "знатоками практической жизни" склонны считать, что в таких условиях люди будут попросту на досуге пьянствовать, а свобода школьного обучения приведет лишь ко всеобщей безграмотности. Но пусть эти "пессимисты" подождут со своими предсказаниями, пусть они проверят себя: не внушены ли им такого рода выводы их собственным опытом - как в отношении досуга, так и в отношении побуждений, которыми они руководствовались, стремясь "получить образование". Эти люди даже не могут и представить себе зажигающую силу, которой обладает подлинно свободная духовная жизнь, потому что духовная жизнь современного общества, скованная государством и экономикой, действительно не способна воздействовать на них с такой силой.

Государственная политическая организация, равно как и экономика, получают необходимый для их деятельности приток душевных сил от самоуправляющегося духовного организма. Только в свободном взаимодействии духовного организма

и экономической организации может плодотворно развиваться практическая подготовка людей к экономической деятельности. Люди, получившие в учебных заведениях специальное образование, включаясь в экономическую жизнь, внесут в нее животворную силу свободного духа. С другой стороны, люди, имеющие опыт экономической деятельности, смогут включаться в работу духовной организации, внося в нее оплодотворяющее влияние практических запросов жизни.

Свободное распространение духовных благ будет способствовать развитию правильных, здоровых взглядов также и в области политических правовых отношений. Получая эти духовные блага, рабочий, занятый физическим трудом, сможет усвоить удовлетворяющее его представление о значении своей работы для социального организма. И он осознает, что без того руководства, которое разумно организует его работу, он окажется ненужным социальному организму. И он сможет почувствовать взаимную связь *своей* работы с теми организующими силами, которые проистекают из индивидуальных способностей людей. Действуя затем в сфере государственно-политической, он будет вырабатывать правопорядок, обеспечивающий ему справедливую долю стоимости товаров, произведенных с его участием. И столь же свободно он согласится уделить получаемым им духовным благам ту долю дохода, которая обеспечит самую возможность их возникновения. Так в самой духовной жизни для "производителей духовных благ" появится возможность жить на доходы от своей деятельности. Все, чем человек занимается в этой области для себя, останется его личным делом. Но все, что он может ввести в социальный организм, встретит свободную оценку со стороны тех, кому его достижения нужны. Если же такого рода доходы окажутся недостаточными для удовлетворения его жизненных потребностей, ему придется перенести свою деятельность в государственно-правовую или экономическую область.

В экономику постоянно вливаются рождающиеся из духовной деятельности человека технические идеи. Эти идеи рождаются из духовной деятельности человека, даже если их непосредственными создателями являются участники государственно-правовой или самой экономической организации. Из той же духовной деятельности происходят и все организаторские идеи и достижения, оплодотворяющие государственную и экономическую жизнь общества. Вознаграждение за этот духовный вклад в экономику и в государственно-правовую организацию может исходить либо от тех, кто непосредственно заинтересован в этом притоке идей, либо определяться на основе правовых норм, устанавливаемых государством. Средства, необходимые для содержания самой государственной организации, должны собираться путем налогообложения, размеры и характер которого явятся гармоничным сочетанием требований правопорядка с одной стороны и экономических интересов с другой.

Итак, для здоровой жизнедеятельности социального организма необходимо, чтобы наряду с экономической и политической сферами существовала в нем автономная область духовной жизни. Пути развития современного человечества ведут нас к этой трехчленности социального организма. Пока общественная жизнь человечества складывалась в основном под воздействием инстинктивных побуждений, владевших большинством людей, не возникало потребности в таком ярко выраженном расчленении. В условиях известной смутности общественной жизни могло слитно действовать то, что в основе своей всегда вытекало из трех

разных источников. Наша эпоха требует от людей сознательного включения в общественный организм. Это включение только в том случае даст здоровое направление общественному поведению и всей жизни человека, если будет основываться на осознании трех видов закономерностей, действующих в индивидуальной и общественной жизни людей. Этой трехсторонней ориентации жаждет современное человечество в неосознанных глубинах своей душевной жизни; и социальное движение нашей эпохи - лишь затуманенный отблеск этих устремлений.

В обстановке, отличной от обстановки нашей эпохи - в конце XVIII века - из глубин человеческого существа родился призыв к переустройству социальной жизни. Девиз этого переустройства выражен в трех словах: свобода, равенство, братство. Разумеется, всякий, кто с непредвзятым мышлением и естественным человеческим чувством рассмотрит ход исторического развития человечества, не может отнести к этим лозунгам иначе, как с полным сочувствием. Однако ряд весьма проникательных мыслителей XIX века доказывали, что идеи братства, равенства и свободы внутренне противоречивы и что одновременное их осуществление в едином социальном организме - невозможно. Остроумно доказано, например, что последовательное осуществление *равенства* невозможно без нарушения свободы, неотъемлемо присущей каждому человеческому существу. Нельзя не согласиться с доводами, раскрывающими это противоречие. И тем не менее самое простое человеческое чувство побуждает нас симпатизировать всем трем великим идеалам.

Противоречивость этих идеалов объясняется тем, что их истинное социальное значение выявляется лишь в понимании необходимости трехчленности социального организма. Три принципа - свободу, равенство и братство - невозможно сочетать и централизовать в абстрактном теоретическом единстве какого-нибудь рейхстага или иного органа; но каждый из них может стать реальностью в одном из членов социального организма; и лишь в их живом сочетании и взаимодействии может осуществиться единство всего социального организма в целом. В реальной жизни многое, кажущееся противоречивым, живет и действует как единство. Также и единство жизни социального организма можно охватить, лишь осознав трехчленность его строения в соотношении с тремя принципами - свободой, равенством, братством. И тогда нам станет ясно, что совместная деятельность людей в *экономической* сфере, организованной на началах ассоциации, может стать реальным воплощением *братства*. Во втором члене социального организма, в области *права*, имеющего дело с чисто человеческими взаимоотношениями, с отношениями человека к человеку, найдет свое реальное воплощение идея *равенства*. И, наконец, область *духовной* жизни, получившая в социальном организме известную автономию, может стать реальным воплощением *свободы*. При таком понимании выясняется подлинная жизненная ценность трех великих идеалов XVIII века. Реализовать их при существующем хаотическом состоянии общественной жизни - невозможно. Их жизненная действенность может проявиться лишь в социальном организме, построенном на здоровых началах трехчленности. Идеалы свободы, равенства и братства неосуществимы, пока их смешивают в кучу, пытаясь построить некое абстрактное централизованное социальное образование. Но в каждом из трех членов социального организма, в соответствии с особыми, присущими ему закономерностями жизни, может обрести действительную силу один из этих великих идеалов. А в их плодотворном взаимодействии осуществится живое единство

социального организма.

Люди, выдвинувшие в конце XVIII века лозунги свободы, равенства и братства, равно как и их позднейшие последователи, обладали смутным ощущением правильного направления в исторической эволюции нового человечества. Но они не могли преодолеть застарелых навыков мышления и отказаться от веры в единое централизованное государство. В таком государстве их идеи оказались внутренне противоречивыми. Тем не менее они оставались поборниками этих идей, потому что в их душах жило стремление к трехчленности социального организма, той трехчленности, в условиях которой только и может раскрыться высшее единство их тройственного идеала. Осознать это стремление и его движущие силы в истории человечества, вывести это неосознанное тяготение к трехчленности на путь сознательной социальной практики - вот чего требуют от нас социальные потрясения современности, требуют красноречивым языком *фактов*.

III. КАПИТАЛИЗМ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕИ (капитал, человеческий труд)

Какую же практическую программу социальных преобразований требуют от нас красноречивые факты современности? Невозможно ответить на этот вопрос, оставаясь на поверхности социальных явлений. Необходимо проникнуть в сущность тех глубинных сил, которые действуют в жизни социального организма. В предшествующем изложении сделана попытка приблизиться к пониманию этих сил. Мероприятия, основанные на идеях, почерпнутых из узкого круга наблюдений за внешними фактами жизни, не могут дать плодотворных результатов. События, развивающиеся ныне в области социальных отношений, обнаруживают глубокие потрясения в самых основах социального организма, а вовсе не одни только поверхностные нарушения его нормальной деятельности. Перед лицом таких потрясений необходимо осознать глубинные силы, действующие в социальной жизни человечества.

Говоря сегодня "капитал" и "капитализм", имеют в виду прежде всего то, в чем пролетарии видят причину своего угнетения. Но чтобы подойти к подлинно плодотворному пониманию роли капитала в социальной жизни, к пониманию его как созидательных, так и разрушительных сил, необходимо уяснить, каким образом три члена социального организма - индивидуальные дарования людей, правосозидающая система государства и экономические отношения - участвуют в создании и использовании капитала. Говоря "труд", мы говорим о той силе, которая - вместе с дарами природы и капиталом - создает экономические ценности. Через труд рабочий приходит к осознанию своего социального положения в данной общественной системе. Но чтобы понять, каким образом человеческий труд может включаться в социальный организм так, чтобы не страдало человеческое достоинство работника, необходимо уяснить сущность отношений между трудом человека и развитием его индивидуальных способностей, с одной стороны, и его правосознанием, с другой.

Справедливо ставится сейчас вопрос: какие же *ближайшие шаги* надо предпринять для удовлетворения социальных требований трудящихся классов? Но и эти *ближайшие* шаги не могут быть плодотворными, если они осуществляются без ясного понимания их связи с основами здоровой жизнедеятельности социального организма. При наличии же такого понимания каждый - на том месте в обществе, которое он занимает или может занять - найдет для своей деятельности задачи, вытекающие из реальностей жизни. Развитию такого понимания препятствуют существующие социальные институты, в которых столетиями реализовывалась воля предшествующих поколений; этим затрудняется непредвзятость суждений в настоящем. Мы так сжились с существующими установлениями, что даже свои идеи о том, что надо в них сохранить, а что изменить, формируем исходя только из практики этих самых установлений. Таким образом в мышлении руководятся как раз тем, что подлежит руководству мысли. Но в наше время необходимо, наконец, осознать, что идеи, способные указать пути разрешения серьезнейшей социальной проблемы можно найти, лишь обращаясь к социальным *пра-идеям*, лежащим в основе всех социальных установлений.

Если в обществе отсутствуют источники, откуда духовные силы, заложенные в эти пра-идеи, могут все снова и снова вливаться в социальный организм, непрерывно его оживляя, то его учреждения все дальше отходят от своего истинного социального смысла, своей пра-идеи, постепенно принимая формы, не способствующие жизнедеятельности общества, а, напротив, сковывающие ее. Но в импульсах,двигающих поступками и стремлениями людей эти пра-идеи в более или менее сознательной форме продолжают жить также и тогда, когда сознательные мысли впадают в заблуждение и создают - или уже создали - установления, сковывающие живую деятельность людей. Сталкиваясь с такими сковывающими жизнь условиями, эти пра-идеи проявляются хаотически. Они-то - явно или в скрытом виде - и вырываются на поверхность в революционных потрясениях. Этих потрясений можно избежать при одном условии: социальный организм должен быть устроен так, чтобы в нем непрестанно осуществлялось наблюдение за возможными отклонениями действующих институтов от лежащих в их основе социальных пра-идей, от их истинного социального смысла, и чтобы в то же время существовали способы немедленно противодействовать этим отклонениям и искажениям, не допуская их развития до угрожающих размеров.

В наше время в обширнейших областях человеческой жизни отклонения от требований, вытекающих из социальных пра-идей, чрезвычайно велики. А импульсы, создаваемые этими идеями в сознании людей, выражаются в резкой критике и справедливом недовольстве положением, сложившимся в области социальных отношений за последние столетия. От нас требуется поэтому добрая воля решительно обратиться именно к социальным пра-идеям. И осознать - как вредно в наше время изгонять эти идеи из жизни под предлогом их "непрактичности". Именно в жизни, в требованиях пролетариата живут эти идеи, проявляясь в резком недовольстве тем, во что наша эпоха фактически превратила социальный организм. Задача нашего времени по отношению к такому положению вещей заключается в противодействии этой односторонней критике. Для этого мы должны обращаться к социальным пра-идеям, чтобы отыскивать в них то русло, по которому людям следует *сознательно* направлять свою социальную деятельность. Ибо кончилось время, когда человечество могло

довольствоваться тем, что до сих пор достигалось инстинктивным путем.

Один из главнейших вопросов, порождаемых современной критикой существующего строя: как освободить пролетария от гнета частного капитала? В нашем обществе тот, кто владеет или управляет капиталом, получает возможность использовать труд других людей для производства тех или иных материальных благ по своему усмотрению. Рассмотрим социальные отношения, порождаемые совместной деятельностью труда и капитала. По существу, в них следует различать три элемента: предпринимательская деятельность, определяемая индивидуальными способностями лица или группы лиц; отношение между предпринимателем и работником, которое является правовым отношением; материально-технический процесс производства вещей, получающих в экономическом кругообороте товарную стоимость.

Предпринимательская деятельность может быть социально благотворной лишь при наличии в обществе условий, в которых наилучшим образом могут выявляться и развиваться индивидуальные дарования людей. Для этой цели необходимо, чтобы в общественном организме существовала такая область отношений, где каждый человек пользовался бы полной свободой в применении своих способностей и где общественная оценка этих способностей и результатов их применения основывалась бы только на свободном понимании и признании со стороны других людей. Деятельность человека, распоряжающегося капиталом, по существу, относится именно к этой области социальной организации; она должна строиться и управляться на основе закономерностей, присущих духовной жизни человека. Если в духовную жизнь общества вмешивается государство, то его деятельность в этой области неизбежно отмечается печатью безразличия по отношению к индивидуальным особенностям людей. Ибо государство, по самой своей природе, должно опираться и руководствоваться в своей деятельности принципами, вытекающими из равенства, - *равноправия* - всех людей. И решения государственной власти, в принципе, должны приниматься *всеми* людьми на *равных* правах. Во всем, что осуществляется государством, понимание или непонимание индивидуальных способностей людей не имеет существенного значения. Именно поэтому все, что касается применения и направления индивидуальных способностей людей, должно быть свободно от вмешательства государственной власти.

В такой же мере и соображения экономической выгоды не должны подчинять себе предпринимательскую деятельность, где индивидуальные способности людей находят себе применение через капитал. Авторы множества работ по капитализму придают экономической выгоде очень большое значение. Но они ошибаются, утверждая, что силы и способности людей приводятся в движение только стимулами экономической выгоды. Ссылаясь на "практический опыт", они подчеркивают "несовершенство" человеческой природы, приписывая себе глубокое знание человеческого существа. Несомненно, стимул экономической выгоды глубоко проник во все области современной общественной жизни. Но именно это обстоятельство и является в значительной мере причиной социальных потрясений. И в этих потрясениях обнаруживается настоятельная необходимость развивать другие стимулы человеческой деятельности, другие побуждения, способные приводить в движение индивидуальные силы и дарования людей. Эти стимулы могут родиться только из того *социального сознания*, которое должно явиться плодом обновленной, свободной духовной жизни. Силами этой

свободной духовной жизни школьное обучение и воспитание смогут укрепить внутренне присущее человеку социальное сознание, побуждающее его стремиться к наиболее полной реализации своих индивидуальных сил и способностей.

Все здесь изложенное вовсе не мечта и фантастика. Несомненно, беспочвенные мечтания и в области социальных идей, как и повсюду, где они появлялись, причинили человечеству немало бедствий. Но наши взгляды, как можно видеть из всего вышеизложенного, не имеют ничего общего с иллюзорной верой в "духа", способного, якобы, творить чудеса, стоит только побольше разглагольствовать о нем тем, кто считает себя его обладателями. Наши взгляды основаны на наблюдениях фактов - фактов свободного сотрудничества людей в области духовной жизни. Это сотрудничество - как только оно получает возможность развиваться *действительно свободно* - неизбежно, в силу собственных внутренних закономерностей духовной жизни приобретает социальный характер.

Только вследствие несвободы духовной жизни в современном обществе этот социальный характер не мог до сих пор полностью проявиться. В среде правящих классов духовная культура носит антисоциальный характер, поскольку плоды ее остаются достоянием ограниченного круга людей. Духовные достижения этого круга лишь окольным, косвенным путем доходят до пролетариата. И в этих достижениях пролетариат не может почерпнуть духовную опору для своей собственной духовной жизни, потому что в создании этих духовных ценностей сам он *в действительности* никакого участия *не* принимал. Всякие "просветительские" мероприятия для "народного образования", для "приобщения народа к эстетическим наслаждениям" и прочее никак не являются средством распространения духовных благ в народе до тех пор, пока эти духовные блага сохраняют тот характер идеологии, который они получили в новейшую эпоху. Ибо "люди из народа" в своем внутреннем человеческом существе не участвуют в их создании. Им лишь дозволяется узнавать о них как бы со стороны.

Сказанное о духовной культуре в узком смысле целиком относится и к тому особому виду духовной деятельности, которая включается в экономическую систему через приложение капитала. Принципам здорового социального организма противоречит существующее ныне положение, когда пролетарию приходится иметь дело только с механизмами, с помощью которых он производит продукцию, дальнейшее же движение готовой продукции интересует только капиталиста. Работник должен быть полностью осведомлен обо всем, что может осветить роль его труда в производстве товаров, осветить его собственное участие в социальной жизни. Постоянные совещания предпринимателя с рабочими столь же необходимы для производства, как и мероприятия, непосредственно организующие труд. Цель их - создать некий общий круг представлений, общий для работодателя и работополучателя. При добросовестном отношении обеих сторон такие совещания помогут рабочему осознать, каким образом деятельность капиталиста служит во благо социального организма, а тем самым - и во благо самого рабочего. Для капиталиста же подобная гласность его деятельности, рассчитанная на свободное одобрение со стороны всех участников производства, послужит стимулом для безупречного с социальной точки зрения ведения дела.

Отрицать значение сказанного может лишь тот, кто не способен почувствовать силу социальной солидарности, возникающей везде, где люди объединяются общим интересом к общему делу. Почувствовав же действенность этой силы,

легко представить себе, какой подъем экономической продуктивности должен возникнуть в обществе, где предпринимательская деятельность находится под руководством духовной организации. Лишь в этих условиях капиталистическая заинтересованность в прибыльности производства может преобразоваться в заинтересованность материальными результатами производства, выраженными в продукции или услугах, нужных обществу.

Социалисты ставят своей задачей организовать общественное управление средствами производства. В этом стремлении заложено здоровое зерно. Но общественное управление производством может достичь своей цели лишь под руководством подлинно свободной духовной сферы. Только таким путем можно, с одной стороны, устранить экономическое принуждение, оскорбляющее человеческое достоинство рабочего и неизбежное до тех пор, пока капиталист, распоряжаясь средствами производства, руководствуется в своей деятельности стимулами чисто экономического характера. А с другой стороны, можно будет уберечь индивидуальные силы и способности людей от подавления, неизбежного везде, где этими силами и способностями распоряжается политическое государство.

В здоровом социальном организме доходы лица, распоряжающегося капиталом, как и доходы от всякой иной деятельности в области духовной культуры, должны зависеть от его индивидуальных сил и способностей, с одной стороны, и от свободной оценки результатов этой деятельности теми, кто в них нуждается, с другой. Предприниматель должен свободно по своему усмотрению определять размеры дохода, который он за вычетом производственных расходов хочет получить. Но удовлетворить эти притязания он сможет лишь в меру признания и оценки его деятельности со стороны других людей.

Социальными установлениями в духе изложенных здесь идей создается основа подлинно свободных договорных отношений между работодателем и работником. Содержанием этих правоотношений будет уже не обмен товаров (в денежной форме заработной платы) на рабочую силу, а определение доли дохода, принадлежащей каждому лицу - участнику совместной производственной деятельности.

Все, что вносится в общество приложением капитала, *по самому существу* своему зависит от того, каким способом индивидуальные силы и дарования людей включаются в социальную деятельность. Для развития этих дарований необходимы импульсы, соответствующие их собственной природе, т. е. импульсы, исходящие из области свободной духовной жизни. Даже в социальном организме, где развитие индивидуальных дарований людей подчинено государству или находится под давлением экономических сил, продуктивность всякой деятельности, связанной с приложением капитала, будет определяться той долей свободной инициативы, которая прорывается сквозь обессиливающие ее преграды. Но в этих условиях общественное развитие приобретает нездоровый характер. Если в нашем обществе рабочая сила стала товаром, то причина этого не в свободе индивидуальной инициативы предпринимателя, распоряжающегося капиталом, а, напротив, в ее подчинении искажающему действию государственных законов или законов экономики. Осознать это положение без всякой предвзятости - необходимая предпосылка всех дальнейших социальных преобразований. Ибо наша эпоха страдает от ложного убеждения, будто

оздоровление социального организма всецело зависит от мероприятий государственно-политического и экономического характера. Если мы и дальше пойдем в том же направлении под руководством тех, кто разделяет это суеверие, то неизбежно создадутся такие формы социальной жизни, которые приведут человечество не к осуществлению социального идеала, а напротив - к беспредельному усилению тех самых угнетающих его сил, от которых оно мечтает освободиться.

О капитализме начинали размышлять в ту эпоху, когда капитализм стал болезнью социального организма. Мы видим болезненные явления в жизни общества, мы видим, что им необходимо противодействовать. Но надо увидеть *больше*. Надо осознать причину болезни. Она кроется в том, что действенные силы капитала полностью поглощены экономическим кругооборотом, полностью подчинены законам экономических отношений. Чтобы вступить на путь, направление которого все явственнее диктуется жизненно важными требованиями эпохи, надо прежде всего освободиться от иллюзий, владеющих умами тех, кто в идее руководства капиталом со стороны освобожденной духовной жизни не может увидеть ничего, кроме "непрактичного идеализма".

В настоящее время теоретическая мысль мало подготовлена к тому, чтобы социальную идею, могущую вывести капитализм на здоровые пути развития, прямо связать с условиями духовной жизни общества. Авторы социально-политических теорий предпочитают оставаться в рамках чисто экономических проблем. Изучается историческое развитие крупного товарного производства, приведшее к современной форме капитализма. Взамен капиталистического способа производства предлагается создать общественное производство, непосредственно обслуживающее нужды трудящихся. Поскольку же, разумеется, должна сохраниться и развиваться современная машинная техника, необходимо связать отдельные предприятия в единую систему общественного производства. Предполагается, что в такой системе производства каждый будет работать по заданию и в интересах общества, которое уже не может быть эксплуататорским, так как эксплуатировало бы само себя. Поскольку же при этом не хотят или не могут мыслить иначе, как оставаясь в рамках существующих установлений, то обращают свои взоры к государству, стремясь превратить его, таким образом, в некое всеобъемлющее хозяйственное объединение.

Не замечают при этом, что надежды, возлагаемые на такого рода объединение, тем менее осуществимы, чем оно крупнее. До тех пор, пока индивидуальные силы и способности людей не получают той автономной организации, о которой здесь говорится, обобществленная организация труда не может привести к оздоровлению социального организма.

В наше время мало кто склонен непредвзято судить о действительном вмешательстве духовной жизни в социальный организм. Причина - в навыках мышления, побуждающих людей представлять себе все духовное как можно дальше от всего материального и практического. Многим покажется слишком экстравагантной изложенная здесь идея, что в экономической деятельности человека, распоряжающегося капиталом, находит свое выражение часть духовной деятельности общества. Можно предвидеть, что в этой оценке представители имущих классов сойдутся с социалистами. Чтобы понять все значение этой непривычной идеи для оздоровления социальной жизни, посмотрим на

некоторые, существующие в настоящее время идейные направления. Воодушевляемые наилучшими намерениями, они тем не менее везде, куда проникают, задерживают развитие подлинно социального мышления.

Эти идейные течения - более или менее бессознательно - отрываются от того, что дает внутренним душевным переживаниям человека настоящую действенную силу. Всю внутреннюю душевную жизнь человека, весь круг его мировоззренческих, моральных, мыслительных, научно-познавательных интересов они помещают как бы на острове, изолированном от общего потока жизни. И тогда они уже не в состоянии построить мост между этим островом и всем тем, что держит человека в тисках повседневности. Сколько мы видим вокруг людей, почитающих весьма "благородным" делом отвлеченные рассуждения - хотя бы в рамках школьной философии - о всяких моральных и религиозных проблемах, рассуждения, уводящие в заоблачные дали безответственных мечтаний: все эти люди охотно рассуждают о том, каким образом человек может приобрести добродетели, как он должен с любовью относиться к ближним своим, как он может удостоиться счастья обрести "духовное содержание жизни". И при всем том - полная неспособность указать хотя бы возможность перехода от всего, что эти люди называют хорошим, благостным, справедливым и моральным, ко всему тому, что нас окружает во внешней действительности: капитал и заработная плата, производство и потребление, товарное обращение, кредитная система, банки и биржи. Потому и мыслительные навыки людей формируются в двух направлениях: *в одном* - человек стремится удержаться на божественно-духовных высотах и знать не хочет никаких мостов между духовными интересами и обычными житейскими делами. *В другом* - человек бездумно отдается во власть повседневности. Но жизнь - это единство. И она может процветать, лишь если ее подлинные движущие силы - морально-религиозные импульсы - проникнут в глубину повседневной обыденной жизни, в ту область, которая столь многим представляется областью самых "низменных" интересов. При отсутствии же моста между этими двумя областями морально-религиозная, *а также социальная, мысль* впадает в пустую мечтательность, очень далекую от повседневной действительности. И тогда эта повседневная действительность мстит за себя. Человек раздваивается: под воздействием "духовных" побуждений он стремится ко всему "идеальному", ко всему, что он может назвать добром; но инстинктивным побуждениям, исходящим от обычных повседневных потребностей, удовлетворению которых должна служить экономика - этим побуждениям он следует без всякой "духовности". Он не знает реальных путей, могущих связать его понятия о духовности с повседневным течением жизни. И тогда эта повседневная жизнь приобретает формы, никак не связанные с моральными идеями, пребывающими на высотах духа. Тогда-то и осуществляется месть повседневности: морально-религиозная жизнь человека именно в силу своей оторванности от непосредственной жизненной практики мало-помалу, незаметно для него самого, становится ложью, внутренней ложью всей его жизни.

Как много сейчас людей, одушевляемых наилучшими намерениями, готовых из самых благородных, морально-религиозных побуждений жить в мире с ближними своими, творить для них всяческое добро! Но они не способствуют развитию таких социальных чувств, которые только и делают возможным *реальное осуществление* этих благих намерений; они не в силах усвоить социальные идеи,

способные воплощаться в социальной практике.

Из этих-то кругов и выходят в настоящий момент мировой истории, когда социальные проблемы стали столь жгучими, те фантазеры, которые считают себя настоящими практиками, а на деле препятствуют удовлетворению подлинно практических требований жизни. От них можно услышать такие, например, речи: нужно подняться над материализмом, над материальными интересами, которые уже довели нас до военной катастрофы и социальных бедствий, нужно обратиться к духовному пониманию жизни. В поисках такого рода путей к духовному мировоззрению неумоимо цитируются сочинения авторов, почитаемых в прошлом за духовный образ мыслей. Если же вы пытаетесь указать нечто такое, что дух может внести в социальную практику и что является такой же жизненной необходимостью, как необходимо производство хлеба насущного, то слышите в ответ: главное сейчас - возратить людей к духовному мировоззрению. Но на самом деле главное сейчас: силами духовной жизни отыскать пути к оздоровлению социального организма. А для этого недостаточно, чтобы люди занимались духовной работой в качестве некоего побочного занятия. Для этого необходимо, чтобы повседневная социальная практика была приведена в соответствие с духовными запросами человека. Отводя "духовную жизнь" в такого рода побочные русла, правившие до сего времени классы и могли находить превосходным тот социальный строй, крах которого привел к существующему положению вещей.

В социальной жизни нашего времени управление капиталом в процессе производства товаров тесно связано с владением средствами производства, т. е. тем же капиталом. Но это - два разных отношения человека к капиталу, их действие в социальном организме различно. Управление капиталом как орудием, служащим для применения индивидуальных дарований человека, доставляет обществу блага, в наличии которых заинтересованы все его члены. Какое бы положение в обществе человек ни занимал - он заинтересован в наилучшем применении индивидуальных способностей людей, занятых производством благ, нужных обществу. Для развития этих способностей необходимо, чтобы люди, ими обладающие, могли применять их по своей свободной инициативе. Все, что делается в этой области несвободно, перестает служить - по крайней мере, до известной степени - благосостоянию общества. Капитал есть средство приводить в движение индивидуальные способности людей в обширных областях социальной жизни. И каждый член социального организма действительно заинтересован в том, чтобы массы капитала направлялись туда, где отдельный, особо одаренный человек или особо приспособленная для данного рода деятельности группа людей получили бы в свое распоряжение нужные для данной деятельности средства, которые и могли бы употреблять по своему усмотрению. От работника духовной культуры до рабочего простейшего физического труда - все люди, способные осознать свою собственную выгоду, должны признать: "В моих интересах, чтобы достаточно большое число людей или групп могло бы свободно не только управлять капиталом в процессе производства, но и направлять капитал по своему усмотрению. Ибо как раз такие люди могут правильно судить о том, где и каким образом посредством капитала индивидуальные способности людей могут быть использованы для наиболее целесообразного производства благ, нужных социальному организму".

В рамках настоящей работы нет надобности касаться истории развития частной

собственности из других форм собственности. В нашу эпоху, в силу разделения труда, сложилась именно такая форма собственности. О существующем положении и о закономерностях дальнейшего развития мы и будем здесь говорить.

Как бы ни создавалась частная собственность - путем насилия, завоевания и т. д. - она всегда является результатом социальной деятельности людей, обусловленной их индивидуальными способностями. Социалисты убеждены, что гнет частной собственности устраним только путем замены ее общественной собственностью на средства производства. Вопрос ставится так: каким образом уничтожить частную собственность на средства производства в самом ее возникновении, чтобы устранить тем самым причину угнетения неимущих классов? При такой постановке вопроса упускают из вида, что социальный организм есть нечто непрерывно *изменяющееся, растущее*. А в отношении всего органически растущего нельзя ставить вопрос: как наилучшим образом его устроить, чтобы в дальнейшем он сохранял неизменным данное, признанное наилучшим устройство? Такая постановка вопроса пригодна, когда дело идет об устройстве вещи, которая и впредь должна остаться в существенных чертах неизменной. В отношении же любого живого организма, в том числе и социального, дело обстоит иначе. В процессе жизнедеятельности все, что в нем возникает, непрерывно изменяется. Попытка закрепить общественный строй в определенной, признанной наилучшей форме - подрывает основы его жизнедеятельности.

Для здоровой жизнедеятельности социального организма требуется прежде всего, чтобы каждый человек, способный в силу своих индивидуальных качеств послужить обществу, мог это делать по своей собственной свободной инициативе. Также и в той области общественной жизни, где полезная обществу деятельность связана с распоряжением средствами производства, стеснение свободной инициативы вредит интересам общества. Обычно утверждают, что единственный стимул предпринимательской деятельности - возможность получения прибыли. Этот тезис можно оставить здесь без рассмотрения. Ибо из излагаемых нами взглядов на дальнейшее развитие социальных отношений вытекает, что освобождение духовной жизни общества от подчинения силам политики и экономики открывает путь к развитию стимулов другого рода. В условиях свободной духовной жизни в силу ее собственных закономерностей должно развиваться социальное сознание, порождающее совсем другие стимулы предпринимательской деятельности, не связанные с экономической выгодой. Однако суть дела не в том, по каким побуждениям люди стремятся к частной собственности на средства производства. Главный вопрос: что больше содействует жизнедеятельности социального организма - лично-свободное или принудительно-регулируемое распоряжение средствами производства? Нельзя упускать из виду, что ставя этот вопрос в отношении современного общества, необходимо руководствоваться не закономерностями примитивных форм общественной жизни, а только теми, которые соответствуют достигнутой в настоящее время ступени исторического развития.

А на этой, современной нам ступени плодотворное применение индивидуальных способностей людей посредством капитала *невозможно* без свободного распоряжения им в экономическом кругообороте. Везде, где дело идет о производстве благ, нужных людям, предприниматель должен свободно распоряжаться капиталом - не потому, что такое устройство выгодно для

отдельных лиц или групп, а потому, что оно наилучшим образом служит общественному благу, при условии, что целенаправленность предпринимательской деятельности определяется развитием социального понимания.

То, что человек сам или вместе с другими производит с применением средств производства (капитала), имеет для него, до некоторой степени, такое же значение, как приложение его телесных сил. Поэтому стеснение свободы в распоряжении средствами производства (капиталом) равносильно для него стеснению в распоряжении своими телесными силами.

Право же собственности - только средство получить эту свободу. Роль частной собственности в социальном организме сводится к праву собственника свободно распоряжаться своей собственностью. Здесь переплелись два момента, значение которых для социального организма различно: факт *свободного распоряжения* средствами общественного производства и право собственности, в силу которого другие люди из распоряжения средствами производства исключаются.

Не само по себе свободное распоряжение средствами производства ведет к социальным бедствиям, а лишь *сохранение права* на такое распоряжение после того, как исчезли условия, в силу которых оно действительно было средством наилучшего, наиболее целесообразного применения индивидуальных способностей данного лица или группы лиц. Стоит лишь взглянуть на социальный организм как на нечто непрерывно становящееся, растущее, чтобы убедиться в справедливости сказанного. Тогда вопрос будет поставлен правильно: как устроить, чтобы нечто, служащее с одной стороны ко благу, не оказывалось бы с другой стороны вредоносным? Ибо *живое* не может плодотворно развиваться без того, чтобы все, возникающее в процессе жизни, не приводило бы в своем развитии также ко вреду. И поскольку нам самим предоставляется возможность участвовать в устройстве жизни - а в отношении социального организма это и должен делать человек - то наша задача не в том, чтобы уничтожить полезное социальное установление из-за его возможных вредных последствий. Таким путем мы только подрываем жизнедеятельность социального организма. Все дело в том, чтобы найти способ уничтожать возникающий вред в надлежащий момент - в тот самый момент, когда полезное становится вредным. . Свободное распоряжение средствами производства, как приложение индивидуальных способностей людей, должно сохраниться. Связанное же с этим право собственности должно меняться в момент, когда оно становится орудием неправомерной власти над людьми. В настоящее время эта социальная идея частично осуществляется в отношении так называемой духовной собственности - в авторском праве. После смерти автора его произведения через некоторое время становятся общественной собственностью. В основе здесь лежит правильное понимание самого существа общественной жизни. Как ни тесно связано произведение чисто духовного труда с личностью автора - это произведение есть в то же время результат жизнедеятельности всего общества. И в надлежащий момент оно должно становиться общественным достоянием. Но точно также обстоит дело со всякой собственностью. Пользоваться своей собственностью для производства благ, нужных обществу, человек может лишь во взаимодействии с обществом. Поэтому право распоряжаться собственностью не должно отрываться от интересов общества. Дело не в том, чтобы уничтожить право собственности: надо найти способ управлять этим правом так, чтобы оно наилучшим образом

служило обществу.

В трехчленном социальном организме такой способ может быть найден. Он заключается в правильном распределении функций каждой из трех систем: в государственно-правовой системе люди, составляющие социальный организм, действуют как единое целое. Развитие же и направление индивидуальных сил и способностей людей - дело духовной организации общества.

К каким бы областям социальной жизни ни обратиться с чувством *реальности* и с полной свободой от предвзятых мнений, теорий и личных интересов - везде мы придем к необходимости трехчленного устройства социального организма. Но особенно ясно это вытекает из рассмотрения вопроса о связи между индивидуальными способностями человека и распоряжением средствами производства, с одной стороны, и о праве собственности на средства производства, с другой. Правовое государство не должно препятствовать ни возникновению частной собственности на средства производства, ни свободному распоряжению ими до тех пор, пока предпринимательская деятельность, в силу индивидуальных качеств собственника, служит во благо общества в целом. По отношению к частной собственности государство должно оставаться в рамках чисто правовых отношений. Оно ни в коем случае не должно брать на себя распоряжение средствами производства. Его задача - действовать так, чтобы в надлежащий момент эти средства переходили в распоряжение лица или группы лиц, способных, в силу своих индивидуальных качеств, распоряжаться ими во благо общества. Таким путем интересы общества ограждаются с двух сторон. Демократическое правовое государство, имеющее дело со всем тем, что одинаково затрагивает *всех людей*, следит, чтобы справедливое право собственности не превращалось в злоупотребление собственностью. С другой стороны, благодаря тому, что государство само не распоряжается средствами производства, а лишь обеспечивает передачу их в руки тех, кто обладает соответствующими способностями, эти последние могут развернуться в полной мере и послужить во благо общества. В таких условиях собственность и распоряжение средствами производства остаются личным правом человека до тех пор, пока это полезно обществу. Естественно допустить, что законодательные органы в правовом государстве будут в разное время устанавливать разные правила, касающиеся передачи права собственности от одних лиц или групп к другим. В настоящее время, когда отрицательное отношение ко всякой собственности получило столь широкое распространение, выдвигаются проекты полной замены частной собственности общественной. Если мы и дальше пойдем в этом направлении, нам придется убедиться, что жизнеспособность социального организма тем самым подрывается. Наученные опытом, мы, может быть, и откажемся тогда от этого пути. Но, несомненно, было бы полезней уже сейчас начать вводить установления, способные - в духе изложенных здесь идей - содействовать оздоровлению социального организма.

Пока человек сам или вместе с группой лиц занимается производственной деятельностью с приложением капитала, за ним должно сохраняться право распоряжаться как первоначальным капиталом, так и той частью прибыли, которая идет на расширение производства. С момента, когда данное лицо прекращает свою производственную деятельность, капитал, вложенный в производство, должен передаваться другому лицу или группе лиц для производства той же или какой-либо другой, нужной обществу продукции. Также

и та часть прибыли, которая не вкладывается в расширение производства, должна рассматриваться как часть производственного капитала и разделять его судьбу. В личную же собственность предпринимателя, управляющего производством, должна поступать только та сумма, на которую он, беря на себя управление производством, рассчитывал как на свой личный доход от применения в этом деле своих индивидуальных сил и способностей. Обоснованность его притязаний подтверждается тем, что люди, передавая ему капитал, доверяли тем самым его способностям справиться с делом. Если же благодаря деятельности данного лица первоначальный капитал увеличивается, то и личный доход предпринимателя должен увеличиться на столько же процентов по отношению к первоначальной сумме, на сколько увеличился под его управлением первоначально вложенный капитал. Капитал, с которым было начато производство, может по желанию первоначального владельца либо передаваться другому управляющему со всеми взятыми на себя обязательствами, либо возвращаться первоначальному владельцу, если управляющий не хочет или не может больше управлять производством.

При таком устройстве право собственности должно постоянно передаваться от одних лиц или групп к другим. Определить в законодательном порядке, как должны совершаться эти передачи - дело государства. Оно же должно позаботиться о соблюдении установленных им правил и об осуществлении передач, очевидно, правила, регулирующие передачу собственности, должны так или иначе основываться на общественном правосознании.

Излагаемое здесь учение, как и всякое учение, желающее оставаться на почве *реальности*, не берет на себя иной задачи, как только указать *направление*, в котором должно развиваться такого рода регулирование. Осознав это направление и руководствуясь им, можно в каждом конкретном случае найти более целесообразное решение. Оно должно быть практически обосновано, исходя каждый раз из своеобразия всех фактических обстоятельств дела и глубокого понимания сути вещей. Чем реалистичнее способ мышления, тем менее оно стремится уложить все детали в заранее предписанные законы и правила. С другой стороны, именно из общего духа социальной концепции может с необходимостью вытекать тот или иной общий вывод. Таким выводом является положение, что правовое государство, регулируя передачу права собственности, ни в коем случае не должно присваивать себе право распоряжаться капиталом. Оно должно лишь позаботиться о том, чтобы это право передавалось таким лицам или группам лиц, индивидуальные способности которых оправдывают целесообразность передачи. Из этой предпосылки, очевидно, вытекает также, что в случае передачи капитала прежний его владелец должен иметь право свободно выбрать себе преемника. Он может указать для этой цели другое лицо или группу лиц, или же передать право распоряжения капиталом какой-либо корпорации, принадлежащей к духовной организации общества. Ибо тот, кто оказал услугу обществу, целесообразно распоряжаясь капиталом, может наилучшим образом судить и о способах его дальнейшего использования, если он опирается при этом на свой опыт и способности и действительно руководствуется социальным сознанием. Для социального организма гораздо полезнее последовать совету такого лица, чем пренебречь и предоставить решение этого вопроса тем, кто не связан непосредственно с делом.

Подобного рода правила должны действовать в отношении капиталов,

превышающих определенный минимум и приобретаемых лицом или группой лиц путем приложения средств производства (включая и землю с ее недрами). Сюда не относится та собственность, которая приобретается на доходы, получаемые за личное участие в управлении производством. Такого рода приобретения и сбережения, добытые собственным трудом, должны оставаться до смерти владельца или до какого-то более позднего срока в личной собственности его самого или его наследников. Если такого рода сбережения вкладываются в производство, то в пределах того же срока владельцу должны уплачиваться определенные - справедливые, т. е. соответствующие требованиям общественного правосознания, проценты, размеры которых устанавливаются законом.

В обществе, устроенном на основе изложенных идей, можно провести полное разделение между доходами производства, с одной стороны, и доходами труда, с другой. Доход производства есть результат приложения рабочей силы к средствам производства, доход трудящегося есть результат личных - физических и духовных - качеств трудящегося. Это разделение отвечает как общественному правосознанию, так и интересам социального целого. Личные сбережения, переданные в распоряжение управляющего производством, приносят обществу пользу: они увеличивают капитал, служащий средством применения сил и способностей людей. Приумножение же капитала в процессе производства - за вычетом законных процентов - создается жизнедеятельностью всего социального организма в целом и должно вышеописанным способом возвращаться обществу. Правовое государство должно лишь позаботиться о том, чтобы соответствующие передачи капитала осуществлялись. Но решать, в какую именно отрасль материального и духовного производства должен быть передан тот или иной капитал или личные сбережения - не дело государства. Это привело бы к тирании государства и в материальном производстве и в производстве "духовных благ". Наилучшее же для социального организма руководство и тем и другим осуществимо лишь путем свободных решений людей, занятых производственной деятельностью в силу их личных качеств и способностей. Тот же, кто почему-либо не склонен сам решать, кому должен быть передан созданный им капитал, может учредить для распоряжения им корпорацию, принадлежащую к духовной организации общества.

Также и капитал, приобретенный на трудовые сбережения, вместе с процентами на него должен после смерти владельца или по истечении какого-то срока передаваться по его завещательному распоряжению лицу или группе лиц, занятых в материальном или духовном производстве - только такому лицу или группе, но не тем, кто не участвует в производственной деятельности и в чьих руках доход с капитала становится просто рентой. В этих случаях владельцу также должно предоставляться право, не назначая личного преемника, передать капитал в распоряжение той или иной корпорации, принадлежащей к духовному организму общества. И лишь при полном отсутствии каких бы то ни было распоряжений со стороны владельца правовое государство может заменить его, передав духовной организации решение вопроса о выборе преемника.

В таком социальном строе свободная инициатива каждого сочетается с интересами всех; больше того - эти последние обеспечиваются наилучшим образом именно в силу того, что свобода личной инициативы обращена на службу интересам общества. В этих условиях каждый, подчинивший свой труд руководству другого человека, может быть уверен, что продукция, совместно ими

выработанная, наилучшим образом послужит во благо социального организма, а тем самым - и во благо самого работника. В таком социальном строе установится правильное, соответствующее здравому смыслу и справедливости, соотношение между затратами капитала, овеществленного в средствах производства, и рабочей силой, с одной стороны, и ценами на совместно ими произведенную продукцию, с другой.

Возможно, многие найдут в наших предложениях ряд недостатков. Разумеется, их можно найти. Подлинно реалистическое мышление вовсе не ставит своей задачей дать раз и навсегда "совершенную" программу. Оно стремится указать *направление* дальнейшей практической работы. Изложенные здесь отдельные замечания - это, в сущности, лишь примеры, разъясняющие общее направление социальных преобразований. Примеры и предложения можно усовершенствовать. Если усовершенствования пойдут в нужном направлении - результаты их будут плодотворны.

В описанных условиях справедливые личные и семейные интересы получают полное удовлетворение, не вступая в противоречие с интересами общества. Можно, разумеется, предположить, что найдутся люди, которые захотят при жизни передать свою собственность наследникам. В лице таких наследников появятся мнимые производственники, которых целесообразнее было бы заменить друтами лицами, более способными к такого рода деятельности. Но в обществе, устроенном на началах трехчленности, опасность таких злоупотреблений невелика. Ибо правовому государству достаточно установить, что во всех случаях собственность, переданная члену семьи, должна по истечении известного срока после смерти прежнего владельца поступать в распоряжение духовной корпорации, назначающей нового владельца или утверждающей назначение, сделанное завещателем. Можно найти и какие-либо другие способы предотвратить обход закона. Правовое государство позаботится только о том, *чтобы* передача совершилась, вопрос же о том, кто должен занять место наследника, решается учреждением, принадлежащим к духовной организации общества. В этих условиях укрепляется понимание того, что наследники должны подготавливаться путем полезного социальному организму воспитания и образования, и что общество не должно терпеть ущерба из-за передачи капитала лицам, не пригодным к предпринимательской деятельности. Человек с развитым социальным сознанием несколько не заинтересован в том, чтобы его преемниками по управлению капиталом становились лица или группы, личные качества которых не оправдывают этого назначения. Кто не лишен практического здравого смысла и чувства реальности, не сочтет высказанные соображения пустой утопией. Ибо здесь говорится как раз о таких нововведениях, которые могут вырастать непосредственно из существующих условий во всех областях общественной жизни. Нужно лишь принять одно принципиальное решение: правовое государство должно постепенно отказываться от управления духовной жизнью общества и от собственной хозяйственной деятельности. И не чинить препятствий, если само собой возникает то, что должно возникать и развиваться: утверждаются частные учебные заведения, а экономические организации добиваются самоуправления. Во все не требуется немедленно закрыть все государственные школы и все государственные хозяйственные предприятия. Но малыми, может быть, начинаниями прокладывается путь постепенного уничтожения государственной системы образования и государственной экономики. Но прежде всего необходимо, чтобы люди, убедившиеся в

правильности здесь изложенных или сходных идей, взялись за их распространение. Ибо, принимая эти идеи, люди приобретают уверенность, что преобразование существующего строя и устранение созданного им социального зла вполне осуществимо. А единственно из этой уверенности и может произойти подлинное оздоровление социальных отношений. Ибо тот, кто проникся такой уверенностью, сможет увидеть в окружающей действительности, каким образом требуемые нововведения можно практически провести в существующих условиях. Главнейшая черта изложенных здесь идей в том и заключается, что новое лучшее будущее создается не путем внезапного разрушения существующего строя. В ходе осуществления этих идей новое развивается из старого, уничтожая в самом своем развитии его вредные стороны. Социальная программа, отвергающая подобную установку, никогда не сможет достичь того, что, несомненно, должно быть достигнуто: она не сможет в ходе своих преобразований уберечь от разрушения и сохранить созданные до сего времени людьми ценности и приобретенные ими способности. Сторонники даже самых радикальных воззрений убедятся в возможности социального переустройства с сохранением унаследованных от прошлого ценностей, если признают справедливыми идеи, указывающие путь подлинного оздоровления социальной жизни. Какие бы классы ни пришли к власти - они не уничтожат социальное зло, если идеи, которыми они руководствуются, не соответствуют действительным законам здоровой жизнедеятельности социального организма.

Кто сомневается, что в наше время социальных неурядиц найдется достаточно людей, способных воспринять такого рода идеи - если в их распространение действительно будет вложена необходимая энергия - сомневается тем самым в восприимчивости человеческой природы к импульсам здравого смысла и целесообразности. Такой вопрос - о правомерности подобных сомнений - нам и не нужно ставить. Мы должны спросить себя *только*: что надо делать, чтобы как можно более действенными стали идеи, пробуждающие в людях эту уверенность?

Признание и практическое осуществление изложенных здесь идей затрудняется прежде всего тем, что они двояким образом противоречат общепринятым в настоящее время взглядам: обычные возражения сводятся либо к отрицанию в той или иной форме самой возможности расчленить единство социальной жизни, поскольку все три ее области в действительности тесно между собой связаны, либо к утверждению, что и в существующей единой государственной форме организации общества достигается необходимая самостоятельность каждого из трех его членов, изложенная же здесь идея - не что иное, как чисто умственное хитросплетение, ничего общего не имеющее с реальностью.

Первый аргумент вытекает из неверного понимания *реальностей* общественной жизни: считается, что единство вносится в общественную жизнь путем подчинения ее определенному установленному порядку. В действительности же требуется как раз обратное: единство общества должно складываться в самой общественной жизни, как ее *результат*: потоки общественной деятельности, сливаясь из разных направлений, должны в *конечном итоге* образовать единство. Именно *этому*, реальному пониманию законов общественной жизни противоречило все историческое развитие последних столетий. Потому-то живые, свойственные людям устремления воспротивились навязанному извне "порядку"; это и привело к социальным потрясениям наших дней.

Второе возражение вытекает из непонимания коренных различий в способах действия, свойственных каждому из трех членов социального организма. Не хотят замечать, что к каждому из них человек находится в *особом* отношении, что этот особый род отношений может развернуться во всем своеобразие лишь при наличии в реальной жизни самостоятельной почвы, на которой этот род деятельности развивается свободно и независимо от других, вступая затем с ними в те или иные взаимодействия. Старая экономическая теория физиократов¹² утверждала: правительственные мероприятия, регулирующие экономические отношения, могут препятствовать их свободному саморазвитию - тогда они вредны. Если же эти мероприятия действуют в том же направлении, в каком экономические отношения развиваются сами собой - они излишни. Доктрина физиократов отвергнута. Но как навык мышления она и поныне невидимкой отравляет умы. Люди верят, что если одна область жизни будет развиваться, следуя своим законам, то это даст людям *все*, что им нужно. Если, например, экономическая жизнь общества будет построена так, что все люди признают ее превосходной, то на почве совершенной экономики неминуемо возникнет и совершенное право и высокая духовная культура. Однако это невозможно. Только теория, полностью оторванная от жизни, может это утверждать. В кругу экономических отношений нет *ничего*, что само по себе побуждало бы регулировать человеческие отношения, которые складываются между людьми на основе правосознания. Если все же *эти* отношения человека к человеку мы захотим построить, подчиняясь экономическим импульсам, то человек и его труд, и распоряжение средствами труда окажутся в плену экономических закономерностей. Человек станет винтиком в механизме экономики. Экономическим явлениям присуща тенденция развиваться в одном определенном направлении - в соответствии с законами экономики - законами выгоды, хозяйственного расчета. Чтобы это одностороннее движение не становилось вредоносным, необходимо вмешательство другой, независимой от экономики, силы. Не в том дело, что правовые нормы хороши, если они содействуют естественному развитию экономических явлений, и вредны, если они этому препятствуют. Важно другое: достойное человека существование достижимо лишь в таком обществе, где направление экономического развития непрерывно корректируется нормами человеческого правосознания, определяющими отношения человека к человеку. А сама экономика сможет успешно развиваться во благо общества, лишь если силы и способности людей будут воспитываться и укрепляться на основе своих собственных, не зависящих от экономики, закономерностей. Тогда только они будут питать экономику такими творческими силами, которые внутри самого экономического оборота зародиться не могут.

Удивительное дело: в обычной жизни выгоды разделения труда общепризнаны. Никто не скажет, что портному следует завести корову, чтобы получать молоко. Когда же дело идет о функциональном разделении всей социальной жизни - упорно утверждают, что всеобъемлющее государство - единственная плодотворная форма общественной организации.

Идеи, отвечающие реальностям социальной жизни, не могут не вызывать самых разнообразных возражений. Это естественно. Ибо подлинная реальная жизнь непрестанно рождает противоречия. И мысль, стремящаяся охватить реальность, должна искать такие формы социального устройства, где противоречия, возникающие в деятельности одних институтов, выравнивались бы деятельностью других. *Нельзя ожидать*, чтобы какая-либо организация, которая

в мыслях рисуется нам "идеально хорошей", практически могла жить и действовать без противоречий.

Совершенно справедливое требование выдвигают социалисты: существующий строй, где цель производства - нажива одного, должен быть заменен строем, где целью производства станет потребление всех. Однако *полностью* признав справедливость этого требования, нельзя принять вывод, который делают социалисты: средства производства должны перейти из частной собственности в собственность общественную. Скорей придется сделать совершенно иной вывод: должны быть найдены правильные пути, по которым продукция частного производства, движимого силами индивидуальной инициативы, передавалась бы обществу. В настоящее время капиталистическая производственная организация подчинена одной цели: продукция, должна давать доход. В экономике будущего свободные экономические организации (ассоциации) смогут направлять производство в соответствии с интересами потребления, организуя движение продукции от производителя к потребителю. Дело государственно-правовой организации позаботиться о том, чтобы лицо или группа лиц пользовались правом распоряжаться производством лишь до тех пор, пока эта правовая связь между человеком и средствами производства оправдана индивидуальными свойствами человека. Таким образом вместо *общественной собственности* на средства производства в социальном организме будет создан *кругооборот* средств производства. В этом кругообороте средства производства будут все снова и снова переходить в руки тех, кто в силу своих индивидуальных качеств способен наилучшим образом использовать их в интересах общества. Таким путем между личностью и средствами производства будет на время устанавливаться та же связь, которая теперь создается правом частной собственности. Ибо глава предприятия и подчиненные ему руководители производства могут применять свои способности и получать от этого сообразный доход только в силу того, что в их распоряжении находятся средства производства. И они не преминут позаботиться о расширении и усовершенствовании производства, ибо с ростом продукции увеличивается их доход, хотя они и не получают полностью всей прибыли: эта прибыль - в духе изложенных идей - принадлежит обществу, за вычетом доли, составляющей вознаграждение производителя за его личное участие в увеличении производства. Естественно, что в случае сокращения продукции доход производственника должен уменьшаться в той же мере, как он увеличивается при ее расширении. Но во всех случаях доход руководителя должен зависеть от его личного участия в производстве, а не от размеров прибыли самой по себе. Ибо прибыль создается не одним только умственным трудом предпринимателя, а совокупностью сил, действующих в обществе.

Ясно, что с проведением в жизнь изложенных здесь социальных идей существующие социальные установления получают совершенно новое значение. Собственность перестает быть тем, чем она была до сего времени. Но она не возвращается в старую, преодоленную ходом исторического развития форму общественной собственности; она выводится на путь преобразования, перехода к совершенно новым формам. Объекты права собственности приобретают как бы свойство "текучести", вводятся в поток социальной жизни. Отдельное лицо не сможет распоряжаться ими в своих частных интересах во вред общества; но и общество не сможет распоряжаться ими бюрократически во вред отдельных лиц; но лица, обладающие соответствующими способностями, смогут получить к ним

доступ, чтобы таким образом служить обществу.

В практике такого рода учреждений разовьется чувство социальной солидарности, которое послужит здоровой основой производственной организации и предохранит социальный организм от опасности кризисов. Самоуправляющаяся экономическая система, деятельность которой ограничивается кругом чисто экономических отношений, сможет в нужных случаях вносить в экономический кругооборот коррективы, необходимость которых обуславливается связями чисто экономического характера. Если, например, какое-нибудь предприятие не в силах выплатить своим вкладчикам полагающиеся им проценты, то недостающие средства - при условии, что продукция предприятия признана отвечающей нуждам общества - могут быть получены от других предприятий по свободному с ними соглашению. Автономный, в самом себе замкнутый экономический кругооборот должен извне получать: от государства - правовые нормы, от духовной организации общества - постоянный приток индивидуальных человеческих дарований. Сама же экономическая организация должна иметь дело только с чисто экономическими взаимоотношениями. Именно поэтому она сможет создать такую систему распределения, в которой каждый получит то, что по справедливости может получить в соответствии с уровнем общественного благосостояния. И если один получит, по-видимому, больше дохода, чем другой, то только потому, что это "больше" обусловлено его индивидуальными способностями, служащими общему благу.

В социальном организме, устроенном в духе изложенных здесь идей, средства на содержание государственных органов должны создаваться путем налогообложения на основе соглашения между руководствами двух систем - государственной и экономической. Средства же духовных организаций должны состояться только из свободных приношений отдельных лиц, согласно их собственной оценке получаемых ими духовных благ. Индивидуальная инициатива и свободная конкуренция в области духовного труда создадут здоровую основу духовной организации общества.

Только в таком обществе станет возможным подлинно справедливое законодательство в области распределения. Если количество и характер труда, которым распоряжается экономическая организация, не диктуется только выгодами производства, а подчиняется правовым нормам, то количество и стоимость произведенной продукции будет ограничиваться количеством допустимого труда; экономическая организация не сможет уже в погоне за прибылью увеличивать производство, заставляя людей трудиться больше, чем это допустимо с точки зрения человеческого благосостояния и человеческого достоинства. В такой экономической организации найдут свое признание чисто человеческие права. Так, например, дети должны иметь право на образование. Поэтому рабочий - отец семейства должен получать больше, чем такой же рабочий-одиночка. "Доплата" должна выдаваться особым учреждением, в деятельности которого участвуют все три члена социального организма. Право на образование будет обеспечиваться организацией, в которой руководство экономической системы определяет размеры выплат, а правовой государственный орган устанавливает право отдельного лица - на основании заключения учебного заведения или какой-либо иной духовной организации.

Необходимо снова подчеркнуть, что подобные указания - только примеры, освещающие *направление* социальных преобразований. Очень возможно, что в отдельных случаях найдутся совершенно иные правильные решения. Но "правильными" могут быть только решения, основанные на том или ином, соответствующем каждой конкретной цели, взаимодействию трех самостоятельных членов социального организма. В этих предложениях, следуя образу мыслей, из которых они вытекают, можно увидеть - в противоположность многому, что, считаясь ныне практичным, на самом же деле вовсе не таково - подлинный практичный выход: такое расчленение социального организма, которое побуждает людей, действующих в условиях расчлененности, постоянно создавать в своей жизни социально целесообразные факты и отношения.

Как детям принадлежит *право* на образование, так и престарелым, инвалидам, больным принадлежит право на пропитание за счет средств, создаваемых на тех же началах, как и средства на образование детей. Во всех этих случаях существенно одно: размеры дохода нетрудоспособных членов общества не определяются экономическими отношениями, а наоборот - экономические отношения подчиняются здесь нормам, основанным на правосознании. Трудящиеся члены общества получают тем меньшую долю произведенных ими стоимостей, чем больше будет передаваться лицам, не участвующим в производстве. Но если социальные импульсы, которые имеются здесь в виду, будут осуществляться, то это "уменьшение" будет равномерно распределяться между всеми участниками экономической деятельности. В правовом государстве, свободном от подчинений экономическим интересам, образование детей и пропитание нетрудоспособных - в чем, по существу, заинтересовано *все* человечество - действительно станет общечеловеческим делом, так как именно в правовой организации действует то *общее*, что касается всех людей.

В социальном организме, построенном на основе изложенных здесь идей, излишки, производимые одними лицами в силу их индивидуальных качеств, становятся достоянием общества. Естественно, что из этого же общего достояния должна возмещаться недостаточная продуктивность менее одаренных людей - по справедливости, в силу общечеловеческой солидарности. "Прибавочная стоимость" не будет служить неправомерной наживе капиталиста, а пойдет на расширение материального и духовного производства. А также на обеспечение всего того, что порождается самим социальным организмом, хотя и не служит непосредственно удовлетворению его нужд.

Кто склонен к мысли, что тройственное подразделение общества - чисто теоретическое построение, и что в действительности - как в существующей форме монолитного государства, так и в социалистической системе общественного производства - это подразделение происходит "само собой", - пусть обратит внимание на некоторые особенности социальной организации, которые должны явиться следствием практического осуществления предлагаемой трехчленности. Так, например, деньги должны будут признаваться законным средством платежа не на основе государственного законодательства, а в соответствии с мероприятиями, проводимыми руководящими органами экономической системы. Ибо в здоровом социальном организме деньги не могут быть ничем иным, как только неким ордером или чеком на получение товаров, произведенных другими. Человек получает эти товары из общей массы товаров, обращающихся в экономической системе, потому что произведенные им самим товары включены в

тот же кругооборот. Благодаря денежному обращению весь экономический кругооборот становится единым хозяйством. Окольным путем, через экономическую систему в целом, каждый производит для каждого.

В экономическом кругообороте мы имеем дело только с товарами. Включаясь в экономический кругооборот, услуги духовных и государственных организаций тоже приобретают характер товара. В экономическом кругообороте услуги учителя ученику - товар. Но "товар" учителя, за который он получает плату, не есть его личные способности, так же как и товар рабочего не есть его рабочая сила. И тому, и другому *оплачивается* только то, что, исходя от них, может в экономическом кругообороте стать товаром. Свободная личная инициатива и правовые нормы действительно участвуют в производстве, Но действие и того и другого должно определяться факторами, лежащими *вне* круга экономических отношений - подобно силам природы, влияющим на сбор зерна в урожайные и неурожайные годы. В экономическом кругообороте духовная организация в целом, равно *как и государство*, приравниваются, с точки зрения экономической ценности их деятельности, к отдельным товаропроизводителям. Но то, что они производят, не является в их собственной области товаром, а становится товаром, лишь включаясь в экономический кругооборот. Ни духовная организация, ни государство сами не хозяйствуют. Но плоды их деятельности включаются в хозяйство на началах, устанавливаемых руководящими органами экономической системы.

Стоимость товара (или услуг), определяемая экономическими факторами и выраженная в денежной сумме, представляющей его обменную стоимость, во многом зависит от разумности и целесообразности тех мероприятий, с помощью которых автономные экономические организации осуществляют *управление* хозяйством. От этих мероприятий зависит, в какой мере экономика данного общества сможет продуктивно развиваться на базе тех именно духовных и правовых условий, которые создаются в нем деятельностью двух других членов социального организма. Денежная стоимость товара станет тогда выражением факта, что данный товар произведен экономической организацией в количестве, соответствующем потребностям общества. В этих условиях движущей силой производственной деятельности не может уже быть стремление к обогащению путем увеличения массы производимой продукции. В деятельности экономических ассоциаций, многообразно между собой связанных, производство будет соотносываться с потребностями общества. Таким путем соотношение между денежной стоимостью товара и интересами производственного предприятия будет складываться в соответствии с интересами потребления.* (* Только при таком управлении социальным организмом, которое осуществляется описанным образом в свободном взаимодействии и сотрудничестве трех его членов, будут в результате устанавливаться в экономике здоровые соотношения цен на производимую продукцию. Это соотношение цен должно быть таким, чтобы каждый работающий за произведенную им продукцию получал столько обменных ценностей, сколько необходимо для удовлетворения потребностей его и находящихся на его попечении лиц в течение такого срока, который нужен ему для создания нового продукта такого же труда. Такого соотношения цен невозможно добитым путем государственного регулирования; оно должно *складываться как результат* живого сотрудничества действующих в социальном организме ассоциаций. И оно *будет* складываться, если это внутриэкономическое сотрудничество будет опираться на здоровое сотрудничество всех трех членов

социального организма. Оно должно сложиться с такой же достоверностью, как создается прочный мост, если он правильно построен по законам математики и механики. Напрашивается возражение, что социальная жизнь не подчинена в такой же мере законам, как мост. Но этого возражения не сделает тот, кто понял, что в настоящей книге в основе социальной жизни постоянно мыслятся *живые*, а не математические законы.) Деньги действительно станут только мерилom стоимости, ибо каждая монета или иной денежный знак будут служить выражением некоего товара, произведенного его обладателем: только производя товары, можно стать обладателем денег. Должен быть установлен порядок, в силу которого деньги должны терять свою стоимость, как только теряется вышеуказанное их значение. Выше мы уже касались аналогичных установлений в отношении материальных средств производства. Денежные средства тоже должны, по прошествии известного срока, передаваться в общественное достояние. Чтобы деньги, вложенные в производство, не могли - в обход мероприятий, проводимых руководящими экономическими организациями - изыматься из производства для целей личного накопления, можно время от времени менять чеканку монет или форму денежного знака. Отсюда вытекает также, что процентные ставки на капитал должны с течением времени постепенно снижаться. Деньги должны "дешеветь", они должны как бы "изнашиваться" - как изнашиваются товары. Такое мероприятие, проведенное в законодательном порядке, отвечает чувству справедливости: "проценты на проценты" станут невозможными. Разумеется, владелец денежных сбережений оказал в свое время обществу услуги, которые дают ему теперь право на получение соответствующих товарных ценностей. Но этот обмен должен сохранять характер текущего обмена, где ценности, произведенные в настоящем, обмениваются на ценности, произведенные в настоящем же. Но его право обмена должно быть ограничено определенным сроком: ибо ведь право на товар, приобретенное в прошлом, может реализовываться только за счет труда, вложенного в настоящем. Такие права не должны становиться средством экономического насилия.

В этих условиях и проблема устойчивой *валюты* получит правильное решение. Ибо независимо от того, какие *формы денежного обращения* сложатся под влиянием ряда других факторов, *валюта* должна оставаться орудием разумного экономического управления в руках автономной экономической организации.

Проблема устойчивой валюты неразрешима средствами государственной власти. Она разрешима лишь, если государство со своей стороны откажется от ее разрешения и предоставит автономной экономической организации право самостоятельно проводить необходимые экономические мероприятия.

Много говорится о разделении труда в современном обществе, о влиянии разделения труда на экономию рабочего времени, улучшение качества продукции, товарообмен и т. д. Но мало задумываются о том, как влияет разделение труда на отношение человека к продукту своего труда. В обществе с развитым разделением труда никто, собственно, *не добывает* средства к жизни лишь своим трудом, но только - трудом *всех* членов социального организма. Если даже портной пошьет костюм для собственного употребления, то этот костюм имеет для него совсем другое значение, чем он имел в условиях примитивного натурального хозяйства, где каждый должен был сам изготавливать для себя все необходимое. Теперь портной изготовит костюм себе для того, чтобы иметь возможность изготавливать костюмы другим. И *стоимость* костюма для него

целиком зависит от труда других. В сущности, этот костюм для него - средство производства. Мне скажут: это игра словами, путаница понятий. Но посмотрите, как происходит *образование* стоимости в процессе товарооборота, и вы убедитесь в справедливости такого взгляда. Ибо совершенно ясно, что в экономическом организме с развитым разделением труда просто невозможно работать для самого себя. Можно работать только для других и самому пользоваться трудом других. Работать на самого себя так же невозможно, как невозможно съесть самого себя.

Но можно создать учреждения, противоречащие существу разделения труда. Это и происходит в современном обществе, где собственностью отдельного лица становится продукция, произведенная совокупной деятельностью социального организма. Разделение труда с необходимостью создает строй, где жизнь каждого в отдельности определяется условиями жизни общества в целом. Разделение труда *экономически* исключает эгоизм. Если же эгоизм все же наличествует в общественных отношениях, в виде классовых привилегий и т.п., то создается состояние социальной неустойчивости, которое и приводит к потрясениям социального организма. В таком именно состоянии мы и находимся в настоящее время. Найдутся, верно, люди, отвергающие мысль, что для оздоровления социального организма правовой строй и другие общественные отношения должны перестраиваться в соответствии с теми антиэгоистическими фактами общественной жизни, которые создаются общественным разделением труда. Но из своих предпосылок они должны сделать вывод, а именно: признать полную бесплодность всякого социального переустройства. Разумеется, любое социальное преобразование может быть успешным, лишь если оно опирается на *реальные факты* общественной жизни. Излагаемые здесь идеи стремятся к такому устройству социального организма, в котором вся деятельность человека развертывалась бы в условиях, вытекающих из подлинных условий жизнеспособности этого организма.

Кто довольствуется представлениями, основанными на практике существующих привычных учреждений, просто испугается, услышав, что отношения работодателя и работника должны быть исключены из круга экономических отношений. Ибо он прежде всего подумает, что такое разъединение необходимо повлечет за собой обесценение денег, возврат к натуральному хозяйству. (Д-р Ратенау в книге "После потопа"¹³ высказывает такого рода суждения, с *его* точки зрения вполне обоснованные). Но в условиях трехчленности социального организма эта опасность устранима. Автономная экономическая организация, действуя согласованно с государственно-правовой организацией, может полностью отделить всю область денежно-экономических отношений от трудовых отношений, относящихся к области права. Правовые нормы не должны непосредственно затрагивать денежных отношений работодателя и работника. Эти последние должны определяться самой экономической организацией на основе *экономических* закономерностей. Правовые же отношения между работодателем и работником полностью освободятся от связи с денежными обязательствами; с уничтожением заработной платы как формы обмена товара на рабочую силу денежные отношения останутся только формой обмена товар на товар; деньги станут лишь мерилем обменной стоимости товаров (и услуг).

Рассматривая социальные *последствия* трехчленной организации общества, нельзя не признать, что эта организация должна вызвать к жизни совершенно новые институты, отличные от тех, которые свойственны существующим в

настоящее время государственным формам.

В этих новых социальных условиях можно будет полностью покончить со всем тем, что ныне называют *классовой борьбой*. Ибо корень классовой борьбы - подчинение заработной платы закономерностям одних только экономических отношений. В предлагаемой здесь форме общественного устройства старое понятие заработной платы так же преобразуется, как и старое понятие *собственности*. Этим преобразованием будет создаваться *жизнеспособная* социальная взаимосвязь между людьми.

При поверхностном рассмотрении может показаться, что осуществление предложенных здесь идей сведется на практике к замене повременной заработной платы сдельной. Может быть, такое одностороннее, узкое толкование найдет своих сторонников. Но в действительности совсем не это имеется *здесь* в виду. Дело идет об устранении самого принципа "оплаты труда" и о замене его принципом "договорного распределения продукта", произведенного работодателем и работником совместно и *в связи с совокупной деятельностью социального организма в целом*. Не видеть различия между долей работника в произведенной продукции и сдельной формой заработной платы значит не замечать главного: в *такого* рода "сдельной заработной плате" (которая по существу вообще уже не "заработная плата") выражается совершенно новое понимание *ценности* вложенного работником труда. И это новое понимание изменяет общественное положение работника, ставя его по отношению к остальным членам социального организма в совершенно новое положение, отличное от того, в котором он находится сейчас, в условиях экономической зависимости и классового господства. Таким путем реализуется требование об уничтожении классовой борьбы.

Нередко - также и в социалистических кругах - приходится встречаться с утверждением: *ход развития* сам по себе должен привести к решению социального вопроса, не следует заранее разрабатывать никаких программ и добиваться их осуществления. Сторонникам таких взглядов мы должны возразить: несомненно, в ходе развития осуществляется необходимое. Но в социальной жизни идеи, побуждающие людей действовать, суть *реальности*. По прошествии известного времени, когда *осуществится* то, что сейчас может быть только идеей, тогда это осуществленное само становится фактом реальности. Тем, кого интересуют только факты сегодняшнего дня, а не убедительность идей, придется воздержаться от суждения об этих идеях до тех пор, пока они не будут осуществлены. А тогда будет *поздно* осуществить многое, чего *уже* требуют от нас реальные факты сегодняшнего дня. В отношении социального организма невозможно такое же *объективное* наблюдение, как в отношении процессов природы. Здесь мы сами действуем как участники общественной жизни. Поэтому здравый смысл восстает против требования "доказать" правильность тех или иных положений, касающихся социального переустройства, подобно тому, как мы "доказываем" те или иные положения в естествознании. Социальные идеи могут быть "доказательными" лишь в том случае, если предметом изучения являются для нас не только *существующие факты*, но и то, что живет как зерно в *импульсах*,двигающих людьми - часто незаметно для них самих - и требует воплощения.

Ряд новых социальных институтов возникает в связи с осуществлением

трехчленности. В них проявляется жизнеспособность нового строя, его глубокая связь с самим существом социальной жизни человечества. Один из этих новых институтов - отделение судебных функций от функций государственной власти. Дело государства - устанавливать нормы правоотношений между людьми и группами людей; но вынесение судебных решений в каждом отдельном случае - дело учреждений, относящихся к духовной организации общества. Правильность решения судьи в значительной мере зависит от глубины понимания им индивидуальных особенностей и положения того, кого он судит. А эта глубина понимания возможна лишь там, где связи доверия, определяющие отношения людей в организациях духовного характера, станут определяющими также и в судебной организации.

Возможен, например, такой порядок: духовная организация назначает судей, принадлежащих к разнообразным профессиям и специальностям, а по окончании определенного срока (5-10 лет) они возвращаются к своим основным занятиям; тогда каждый, привлекаемый к суду, сможет до известной степени выбрать из их числа того, кому он доверяет решать свои гражданские и уголовные дела. В каждом округе должно быть достаточное число судей, чтобы это право личного выбора могло иметь практическое значение. Тогда в любом судебном деле истцу придется обратиться к судье, авторитетному в глазах ответчика.

Подумайте, какое решающее значение мог бы иметь такой порядок в национальных районах Австро-Венгерской империи! В местностях со смешанным населением каждый мог бы избрать судью из числа лиц своей национальности. Кто знаком с условиями, существовавшими в этих районах, поймет, каким умиротворяющим было бы действие такой судебной организации в жизни национальностей. Но и помимо национальностей имеются обширные группы населения и сферы общественной жизни, здоровому развитию которых могла бы содействовать такая судебная организация. Судьям и судебным коллегиям должны помогать особые должностные лица, обладающие специальными познаниями в области права и действующего законодательства. Они также назначаются духовными организациями, но сами не имеют права судить. Апелляционные суды также образуются духовной организацией общества. Такой порядок создаст условия общественной жизни, в силу которых судья будет близко знаком с образом жизни и взглядами тех, кого он судит, так как в своей собственной жизни, вне судейских функций, выполняемых им лишь в течение определенного времени, судья и подсудные ему лица - люди одного круга.

В обществе, устроенном на здоровых началах трехчленности, все социальные институты должны воспитывать социальное сознание и взаимопонимание людей, как членов одного социального организма. То же относится и к судебной организации. Исполнение же судебных решений - дело правового государства.

Нет надобности останавливаться здесь на характеристике других, помимо вышеописанных, социальных институтов, связанных с осуществлением принципа трехчленности. Такая задача потребовала бы поистине беспредельного расширения рамок настоящей работы.

Охарактеризованные институты ясно показывают, что лежащая в их основе социальная концепция *вовсе не* является - как полагают некоторые лица, присутствовавшие на моих лекциях - возрождением старой концепции сословного

общества, возрождением платоновской идеи трех сословий - "кормящего", "охраняющего" и "просвещающего". На самом деле здесь утверждается нечто прямо противоположное. Не люди разделяются на классы и сословия, а общественная организация, общество, как "социальный организм", - расчленяется. Люди же, каждый человек в отдельности, именно благодаря этому расчленению, приобретает социальную полноценность, полноту человеческой жизни. Ибо тройственное расчленение социального организма означает, что каждый человек участвует в жизни каждого из трех членов этого социального организма. С экономической системой, куда человек включается через свою профессию, его связывают материальные интересы. С двумя другими отраслями общественной жизни у него также образуются живые связи, потому что учреждения этих двух систем строятся в соответствии с особыми закономерностями, присущими отношениям и интересам данного рода. Трехчленным будет вне отдельного человека существующий, составляющий его жизненную основу социальный организм. Каждый же человек как таковой - живая связь трех членов социального организма.

IV. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОРГАНИЗМОВ

Международные связи внутренне расчлененного социального организма тоже становятся трехчленными. Каждая из трех автономных областей общественной жизни может вступать в самостоятельные отношения с соответствующими организациями других стран. Экономические связи между странами будут возникать и развиваться независимо от их государственных связей.* (* Кто возразит на это, что правовые и экономические отношения в действительности образуют нечто целое и не могут быть разделены, тот не понимает, о каком расчленении идет речь. В общем процессе общения оба вида отношений действуют, разумеется, как нечто целое. Но одно дело, если правовые нормы устанавливаются, исходя из экономических потребностей, и совсем другое дело - если их устанавливают на основе элементарного правосознания, а затем уже предоставляют им возможность действовать вместе с экономическими отношениями.) И наоборот - взаимоотношения правовых государств будут в значительной мере освобождены от влияния экономики. Вследствие такой независимости в самом *возникновении* экономических и государственных связей и те, и другие могут в случае конфликта оказывать взаимоумиротворяющее действие. Создадутся столь обширные области общих интересов, что территориальные границы стран перестанут играть существенную роль в совместной жизни людей.

Духовные организации отдельных стран смогут вступать между собой в отношения, основанные *только* на общности духовной жизни людей. В независимой от государства, автономной духовной жизни создадутся условия, неосуществимые там, где значимость духовных достижений определяется не самими духовными организациями, а государственной властью. В этом отношении достижения науки, неоспоримо интернациональные, ничем, в сущности, не отличаются от достижений других областей духовной жизни. Одна

из них -особый, принадлежащий каждому народу язык и все, что с ним связано. К этой области относится и самосознание народа. Протivoестественные конфликты между людьми разных языковых групп возникают там, где культура одного народа утверждается силой государственного или экономического принуждения. Если же та или иная национальная культура сама по себе обладает большей жизнеспособностью и духовно более плодотворна, чем другая, то ее распространение закономерно. Она и будет распространяться мирным путем, если этим займутся только лица и учреждения, принадлежащие к духовной организации общества.

В настоящее время идея трехчленной организации общества встретит резкое сопротивление со стороны национальных объединений, сложившихся на почве общности языка и национальной культуры. Но это сопротивление неизбежно будет преодолено единством цели исторического развития человечества; под действием настоятельных требований жизни это единство будет все яснее осознаваться. Все больше будет укрепляться сознание, что в любой стране подлинно достойное человека существование достижимо лишь при условии тесных жизненных связей с другими странами.

Национальные связи, вместе с другими историческими факторами, послужили причиной возникновения государственных и экономических объединений. Но национальные культуры в ходе своего естественного развития должны взаимодействовать свободно, без тех препятствий, которые вырастают на почве государственных и экономических отношений разных стран. Это достижимо, лишь если внутренняя социальная структура каждой национальности будет построена на началах трехчленности так, что все три ее члена получают возможность самостоятельно взаимодействовать с соответствующими организациями других национальностей.

Таким путем создадутся столь *многообразные* и тесные связи народов, государств и экономических объединений, что любая часть человечества должна будет - в своих собственных интересах - заботиться о благополучии всех других. "Лига наций"¹⁴ *вырастет* органически, на основе реальных закономерностей общественной жизни; ее не придется "учреждать" специальным чисто юридическим актом.* (* Кто во всем этом видит только "утопию", не замечает, что на самом деле реальная жизнь *уже* устремляется именно к этим, принимаемым за утопию институтам и что ее бедствия происходят именно из-за отсутствия этих институтов.)

С практической точки зрения особенно важно уяснить, что хотя изложенные здесь идеи имеют значение для всего человечества, но осуществляться они могут *любым* социальным организмом в отдельности, независимо от положения, сложившегося к данному моменту в других странах. Представительные органы трех членов социального организма могут участвовать в международной жизни как единое целое, вступая в те или иные отношения с другими странами, не имеющими еще трехчленного деления. Страна, впервые осуществившая трехчленность социального организма, послужит общей цели всего человечества. То, что должно быть осуществлено, проложит себе дорогу в силу *жизненности* той задачи, которая вытекает из глубоких потребностей эпохи, а не в силу резолюций, конгрессов и конференций. Задача эта *осознается* на основе реальных фактов жизни; и в реальной жизни, в любой точке человеческого общежития

люди могут действовать для ее осуществления.

Рассматривая в свете изложенных здесь идей весь ход политических событий за последние десятилетия, можно проследить, как исторически сложившиеся государства, где духовная, правовая и экономическая жизнь сплетены воедино, пришли к таким международным отношениям, неизбежным следствием которых и явилась разразившаяся военная катастрофа. Вместе с тем можно также увидеть и противодействующие силы, рождающиеся из неосознанного стремления человечества к трехчленности. В трехчленности социального организма заложено целебное средство против бедствий, причиняемых фанатиками единства. Но "руководящие деятели" не были расположены замечать то, что уже давно подготовлялось. Еще весной и летом 1914 года мы слышали от государственных мужей, что стараниями правительств мир в Европе обеспечен надолго. Эти "государственные мужи" и не подозревали, что все, что они делали и говорили, не имеет уже ничего общего с действительным ходом событий. Однако их считали "практиками". А "фантазерами" считались тогда те, кто в противовес высказываниям "государственных деятелей" соглашались с совершенно иной оценкой событий, изложенной автором настоящей работы за несколько месяцев до войны в Вене небольшому кругу слушателей (более обширной аудиторией он был бы, наверное, осмеян). Об угрожающих Европе бедствиях было сказано тогда приблизительно следующее: "Господствующие теперь в политической жизни тенденции будут усиливаться до тех пор, пока не начнут уничтожать сами себя. Кто наблюдает социальную жизнь духовным взором, видит, как повсюду рождаются зачатки ужасных социальных гнойников. И великая тревога за культуру охватывает видящего. Надвигается ужас, который подавляет. Но если бы даже он мог погасить нашу страстную жажду познать истину средствами духоведения - тем сильнее побуждает он нас искать способы исцелить социальные язвы, заставляет прямо-таки *кричать* об этих способах наперекор всему. Если и дальше события будут развиваться в том же направлении, то в человеческой культуре, в социальном организме возникнут губительные явления, подобные разрастанию *раковых клеток* в телесном организме". Но правящие круги, не желая ничего знать о глубоких основах общественной жизни, повиновались только своим привычным побуждениям и проводили мероприятия, от которых лучше было бы воздержаться, так как они ни в малейшей степени не содействуют взаимному доверию между странами и народами.

Кто склонен думать, что в ближайших причинах мировой катастрофы жизненно важные социальные потребности эпохи не играли никакой роли, пусть представит себе, как могли бы измениться политические импульсы государств, неудержимо шедших к войне, если бы "государственные деятели" этих стран в своих политических программах действительно учитывали социальные требования трудящихся. Много, что произошло, могло бы не произойти, если бы эти деятели занимались социальными мероприятиями, вместо того, чтобы накапливать взрывчатые вещества, которые не могли не вызвать взрыва. Социальная политика правящих классов отравляла все государственные отношения медленно действующим ядом, подобно раковому заболеванию организма. Можно поэтому понять Германа Гримма, человека, глубоко озабоченного общечеловеческими духовными интересами, который еще в 1888 году, пораженный несостоятельностью социальной политики правящих кругов, писал: "Цель ясна: все человечество в конечном идеале должно образовать единое братство и, повинувшись только благороднейшим побуждениям, идти дальше к общим высоким

целям. Но взгляните на карту хотя бы одной только Европы - и вы убедитесь, что наше ближайшее будущее - всеобщее взаимное истребление". Только одна мысль, что должны быть найдены "пути к утверждению истинных ценностей человеческой жизни", способна поддержать веру в человеческое достоинство. Эта мысль "противоречит нашим чудовищным военным приготовлениям и таким же военным приготовлениям наших соседей, но я верю в нее. Она освещает мрак. А иначе - лучше просто уничтожить по общему согласию все человечество, официально назначить день всеобщего самоубийства". (Г. Гримм 1888 г. "Из последних пяти лет").¹⁶ "Военные приготовления" - это и есть мероприятия людей, стремящихся сохранить существующие государственные образования в их монолитной форме, хотя эта форма в ходе развития новейшего времени стала препятствием на пути к подлинно здоровым взаимоотношениям стран и народов. Здоровая социальная жизнь может быть создана только трехчленным устройством социального организма, отвечающим глубочайшим жизненным закономерностям нашей эпохи.

Больше полувека Австро-Венгерская империя настоятельно нуждалась в полном переустройстве. Духовная жизнь многонационального государства требовала особых форм организации. Их развитию препятствовала та форма унитарного государственного устройства, которая сложилась под действием старых, уже изживших себя импульсов. Сербско-австрийский конфликт, послуживший началом войны - убедительное доказательство того факта, что политическая структура Австро-Венгерского унитарного государства давно уже пришла в столкновение с национальными культурами составлявших его народов. Если бы духовная жизнь страны получила свою автономную, независимую от государства и государственных границ организацию, то в таких условиях можно было бы, минуя всякие политические деления, создавать новые формы культурной жизни, соответствующие интересам национальностей. Но деятелям Австро-Венгерской монархии, воображавшим себя "государственно мыслящими людьми", подобные идеи казались совершенно неосуществимыми, просто вздорными. Их навыки мышления не позволяли им отступить от укоренившегося представления, будто государственные границы и границы национальностей совпадают. Им неприятна была мысль, что независимо от государственно-административных подразделений могут создаваться культурные объединения, охватывающие, например, школьное дело или другие области духовной жизни. И тем не менее эта "немыслимая" идея - настоящая потребность нашей эпохи в области международной жизни. Подлинно практическое мышление не должно отступать перед трудностями практического осуществления идей, заранее признавая их якобы непреодолимыми; его задача, напротив, сосредоточить усилия мысли на отыскании способов преодолеть эти трудности. Но "государственно мыслящие" деятели Австро-Венгрии отворачивались от подлинных требований эпохи и упорно стремились своими учреждениями и мероприятиями поддержать существующую форму унитарного государственного единства; тем самым это государство все более и более становилось внутренне невозможным, нежизнеспособным социальным образованием. И к началу второго десятилетия 20-го века Австро-Венгерская империя пришла к моменту, когда она уже ничего не могла сделать, чтобы сохранить себя в старой форме; она должна была распасться или же сохранять это внутренне невозможное объединение насильственным путем, ссылаясь на необходимость военных мероприятий. В 1914 году у "государственных деятелей" Австро-Венгрии не было иного выбора: они должны были или изменить свою политику в соответствии с подлинными

требованиями здорового социального организма, явив тем самым миру добрую волю, которая могла бы положить начало новым отношениям доверия между народами - или они *вынуждены* были развязать войну для сохранения старой государственной формы. Только осветив эти глубокие причины политических событий 1914 года, можно правильно решить вопрос о так называемых "виновниках войны". Австро-Венгерская империя исторически сложилась как многонациональное государство; тем самым перед ней стояла всемирно-историческая задача первой вступить на путь оздоровления социального организма в духе трехчленности. Но миссия осталась неосознанной. Этот грех против духа всемирной истории и вверг Австро-Венгрию в войну.

А Германская империя? Она была основана в тот момент мировой истории, когда социальные требования новой эпохи вышли на арену политической жизни. Осуществление этих требований могло бы явиться исторической миссией германского государства. Это государство, возникшее в Центральной Европе, казалось, самой историей было предназначено послужить местом, где социальные импульсы эпохи могли сосредоточиться и проявить всю свою жизненную силу. Социалистические идеи развивались во многих странах, но в Германии социализм принял особые формы, свидетельствующие об его широких всемирно-исторических задачах. Эти задачи могли бы стать жизненными задачами германской империи. Ими должны были бы руководствоваться в своих действиях его правители. Тогда и место и роль этой вновь образованной империи в жизни современных народов определились бы выполнением задач, вытекающих из глубоких законов истории. Но вместо того, чтобы принять эту миссию во всем ее величии, остановились на "социальных реформах" в рамках злободневной политики. И радовались, когда в других странах восхищались *такого рода* реформами и подражали им. Вместе с тем все больше стремились укрепить внешнее могущество империи в формах, соответствующих старым понятиям о блеске и мощи государства. Создавали империю, которая подобно Австро-Венгерскому государству в основах своих противоречила новым силам, исторически уже заявлявшим о себе в жизни народов. Этих сил правители империи не замечали. То государство, к которому *они* стремились, могло опираться только на военную мощь. Государство же, осуществившее всемирно-историческую миссию Германии, опиралось бы на жизненную мощь здорового социального организма. Вооруженная *этой* мощью Германия в международных отношениях играла бы совсем другую роль, чем та, которая выпала ей на долю в 1914 году. Полное непонимание новых глубоких сил, действующих в жизни народов, свело германское правительство в 1914 году как бы к нулю - лишило проводимую им политику всякой реальной действительности. В течение десятилетий, предшествующих войне, германские политики не замечали никаких признаков того, что должно было случиться и что действительно случилось в 1914-18 годах. Они занимались чем угодно в погоне за успехами, не имеющими никакой связи с подлинными движущими силами эпохи. Из-за этой бессодержательности созданная ими империя и *должна* была рухнуть и рухнула действительно как "карточный домик".

Верная картина трагической участи, постигшая германскую империю как неизбежное следствие исторического хода событий, открылась бы нашим глазам, если бы правительство согласилось беспристрастно изучить и правдиво опубликовать факты, имевшие место в руководящих органах правительства в Берлине в конце июля и 1 августа 1914 года. Факты эти мало известны как внутри

страны, так и за границей. Кто о них знает, видит, до какой степени германская политика в тот момент оказалась в полном смысле слова политикой "карточного домика", до какой степени правительство действительно сводилось к нулю, потеряло всякую власть над событиями; в этих условиях решение вопроса, как и когда начать войну, *не могло не перейти* целиком в руки военного командования. А руководящие лица военного командования с военной точки зрения и *не могли действовать иначе, чем они действовали*, потому что с *этой* точки зрения сложившееся положение нельзя было оценить иначе, чем оно было ими оценено. Помимо же и вне военной сферы правительство оказалось в положении, исключавшем для него всякую возможность действовать. Все это могло бы сыграть важную роль в истории, если *бы* удалось опубликовать те, что происходило в Берлине 31 июля и 1 августа 1914 года. Ошибочно думают, что это опубликование ничего не даст, поскольку предшествующие факты, подготовившие эти события, достаточно известны. Но затрагивая то, что сейчас называют "вопросом о виновности", нельзя пройти мимо этих фактов. Несомненно, из других источников многое известно о давно существовавших причинах войны, но факты 31 июля - 1 августа 1914 г. покажут, *как* именно действовали эти причины.

Идеи, которыми руководствовались прежние правители Германии на пути к войне, роковым образом продолжали жить. Они стали настроением народа. И они помешали новым правителям, пришедшим к власти в последний страшный год войны, понять, наконец, в результате горького опыта те истины, непонимание которых стало трагедией Германии. На действие этого горького опыта рассчитывал автор, когда в момент военного поражения выступил в Германии и в Австрии с изложением идей о трехчленном переустройстве социального организма и о вытекающих отсюда практических мероприятиях. Эти идеи были им высказаны в ряде бесед с лицами, обладавшими в то время достаточным влиянием, чтобы провести их в жизнь. Но все было напрасно. Укоренившиеся навыки мышления восстали против этих идей; умы, воспитанные в духе одних *только* милитаристических понятий, не увидели в них ничего практически ценного. Самое большее - соглашались, что "отделение церкви от школы - да, это было бы полезно". С такого рода идеями "государственно мыслящие" люди давно свыклись, вступить же на путь действительно глубоких преобразований они не в состоянии. Лица, сочувствующие идеям автора, советовали выступить в печати. В тот момент это было совершенно бесцельно. Какое значение могло бы иметь изложение этих идей "в литературе", среди прочих высказываний частных лиц? Эти идеи *в то время* могли получить значение лишь в зависимости от того, как и кем они были бы высказаны. Если бы полномочные лица выступили тогда с ответственными заявлениями в духе этих идей, народы Средней Европы увидели бы в них нечто, отвечающее их собственным, более или менее осознанным стремлениям. И восточные народы России, несомненно, могли бы в тот момент осознать свержение царизма в духе этих идей. Оспаривать это можно, лишь ничего не зная о той высокой восприимчивости к здоровым социальным идеям, которая свойственна нетронутому, полному свежих сил интеллекту восточноевропейских народов. Но вместо провозглашения такого рода идей Россия получила Брест-Литовск.¹⁹

Милитаристское мышление было бессильно спасти Среднюю и Восточную Европу от катастрофы - не видеть этого могли только политики, воспитанные в духе милитаризма. Не хотели понять, что катастрофа неизбежна; в этой слепоте -

причина бедствий германского народа. Никто не видел, до какой степени германские руководящие круги лишены всякого понимания закономерных требований эпохи, понимания ее всемирно-исторических задач. А кто знал что-либо об этих задачах, знал также, что в среде англоязычных народов имеются лица, прозревающие скрытые силы, действующие в народах Средней и Восточной Европы. Эти лица были убеждены, что в Средней и Восточной Европе готовится нечто, что должно найти себе выход в мощных социальных переворотах, таких переворотах, которые в англоязычных странах в силу исторически сложившихся условий они считали ненужными и невозможными. На этом убеждении они и строили свою собственную политику. В странах же Средней и Восточной Европы ничего этого не видели и ориентировали свою политику так, что она не могла не рухнуть как картонный домик. Политики этих стран могли бы обрести твердую почву под ногами, лишь осознав, что руководящие круги англоязычных стран в своей политике учитывают - разумеется, с английской точки зрения - грандиозные, всемирно-исторические перспективы. Но такого рода идеи казались, особенно "дипломатам", чем-то в высшей степени несерьезным, ненужным.

Новая, глубоко обоснованная политика могла бы, еще до мировой войны, вывести Среднюю и Восточную Европу на путь процветания, несмотря на грандиозность политических замыслов руководства англоязычных стран. Но этого не *случилось*: руководящие круги Европы продолжали двигаться по обкатанным рельсам старой дипломатии. И ужасы войны, горький опыт этих лет ничему не научили: никто в Европе не понял, что тем послевоенным задачам, которые Америка поставила в своих политических воззваниях к миру, Европа должна противопоставить другие задачи, рожденные жизненными силами европейских народов. Между теми целями, которые сформулированы с американской точки зрения Вильсоном, и теми, которые могли бы прозвучать в громе пушек как духовный импульс Европы, было возможно соглашение. Всякие же иные, "дипломатические" переговоры в тот исторический момент - пустые слова. Но лица, волею обстоятельств находившиеся в тот момент во главе германского государства, не были способны поставить задачи, вытекающие из осознания новых сил, пробудившихся в глубинах общественной жизни. И поэтому осенью 1918 года совершилось то, что должно было совершиться. Крах военной мощи сопровождался духовной капитуляцией. Вместо того, чтобы хотя бы в этот момент воспрянуть и утвердить духовный импульс германского народа, выражающий духовные чаяния Европы, Германия полностью подчинилась "14 пунктам" Вильсона.²⁰ Вильсон со своей программой оказался перед лицом такой Германии, которая ничего своего не могла ему противопоставить. Как бы ни оценивал Вильсон свои собственные "14 пунктов", он может помочь Германии только в том, чего она сама хочет. И он должен от самой Германии *ждать* изъясления ее желаний. Но германская политика, обнаружившая свою несостоятельность перед началом войны, оказалась столь же несостоятельной и в октябре 1918 года. Произошла ужасная духовная капитуляция, осуществленная человеком, на которого столь многие в Германии возлагали последние надежды.

Неверие в практическую ценность идей, раскрывающих исторические задачи эпохи, решительное нежелание принимать в практической политике во внимание глубокие импульсы, открываемые познанием духовных законов жизни - вот что создало в странах Средней Европы положение, приведшее к войне. Теперь, в результате военной катастрофы и ее последствий, создалось новое положение. Главное, что его характеризует, можно определить так: пришли в движение

глубокие социальные импульсы человечества, те, о которых говорится в этой книге. В этих социальных импульсах слышен голос, призывающий весь цивилизованный мир выполнить назревшую историческую задачу. Неужели наше мышление, наше предвидение того, что должно совершиться, окажется теперь, перед лицом социальной проблемы, столь же несостоятельным, сколь несостоятельной оказалась политика европейских стран перед лицом политических задач 1914 года? И если в то время многие страны могли оставаться в стороне, то теперь, в отношении социальных задач человечества, это уже невозможно. В решении социальной проблемы не может быть ни политических противников, ни "нейтралов". Она разрешима лишь соединенными усилиями всего человечества, распознающего в самой жизни знамения эпохи и строящего жизнь в соответствии с ними.

Читатель, ознакомившись с идеями, изложенными в этой книге, поймет намерения автора, выступившего некоторое время тому назад с воззванием "Немецкому народу и всему культурному миру". Это воззвание распространялось в ряде стран, особенно в странах Центральной Европы, усилиями Комитета, созданного людьми, разделяющими взгляды автора.²¹ В настоящее время в мире создались условия, отличающиеся от условий тех лет, когда содержание изложенных в этом воззвании идей сообщалось только узкому кругу слушателей. В то время их обнародование неизбежно осталось бы в рамках "литературы". Теперь это опубликование может иметь результат, который еще недавно был невозможен: появятся люди, воспринимающие эти идеи и готовые действовать для их практического осуществления - постольку, поскольку они того заслуживают. Ибо то, что нужно теперь сделать, может быть сделано только усилиями таких людей.

ПРИМЕЧАНИЯ

#1. "In Ausführung der Dreigliederung..." входит ныне в книгу: Rudolf Steiner "Aufsätze über die Dreigliederung des sozialen Organismus und zur Zeitlage 1915-1921", GABibl.-Nr. 24.

#2. В феврале 1919 - мае 1920 г. в Веймаре работало Национальное собрание народных уполномоченных во главе с Ф. Эбертом, созданное социал-демократическим правительством после Ноябрьской 1918 года революции в Германии.

#3. Фердинанд Лассаль (Lassalle) (1825-1864), основатель социал-демократического движения в Германии. Защитительную речь "Наука и рабочие" произнес на суде в 1863 г.; см. "Gesammelte Reden und Schriften", Berlin 1919/20.

#4. Карл Фохт (Vogt) (1817-1895), немецкий естествоиспытатель. "Зоологические письма" 1851/52, "Лекции о человеке" 1897. Людвиг Бюхнер (Büchner) (1824-1899), немецкий физиолог. "Сила и материя", 1855, рус.перевод 1860, "Положение человека в природе", 1869, "Бог и наука", 1897.

#5. С 1899 до начала 1905 года Рудольф Штайнер по просьбе президиума "Школы для рабочих", основанной незадолго до этого в Берлине Карлом Либкнехтом, читал курсы по истории и новейшей немецкой литературе, которые привлекали

много слушателей; см. Rudolf Steiner "Mein Lebensgang", GA 28.

#6. "Von Seelenrtdtseln", GA 21.

#7. А.Э.Ф. Шэффле (Schaffte) 1831-1903, немецкий экономист-социолог. "Строение и жизнь социального тела", 4 тома, Tьbingen 1875-78 гг.

#8. Meray "Weltmutation. Schцpfungsgesetze ьber Krieg und Frieden und die Geburt einer neuen Zivilisation", Zьrich 1918.

#9. Carl Jentsch "Volkswirtschaftslehre", Leipzig 1835.

#10. Более подробно см. Rudolf Steiner "Nationalцkonomischer Kurs" GA 340-341, Dornach 1922.

#11. См. прим. 10.

#12. Физиократы - представители политэкономического учения, возникшего в 50-х годах XVIII века во Франции. Ф. Кене, А. Тюрго, В. Мирабо и др.

#13. Вальтер Ратенау (Rathenau) (1867-1922), немецкий промышленник. В 1914-18 гг. организовал и возглавил систему "военно-промышленных сырьевых обществ". Написал ряд брошюр, статей, книг. "После потопа" ("Nach der Flut") 1919.

#14. "Лига наций", международная организация, созданная в ходе работы парижской мирной конференции и в соответствии с Версальским мирным договором 1919 года. Первоначально состояла из 31 члена. Самораспустилась в 1946 г.

#15. Доклад в Вене - 6-й доклад в цикле "Внутреннее существо человека между смертью и новым рождением" от 14 апреля 1914г. ("Inneres Wesen des Menschen zwischen Tod und neuer Geburt" GA 153.

#16. Herman Grimm, Fьnfzehn. Essays. Vierte Folge. "Aus den letzten fьnf Jahren", Gьtersloh, 1890.

#17. Относительно "вопроса виновности" ("Schuldfrage") см. размышления и воспоминания начальника генерального штаба Г.фон Мольтке о событиях с июля 1914 по ноябрь 1914, воспроизведенные в "Статьях о трехчленности социального организма", "Aufsdтze ьber die Dreigliederung des sozialen Organismus und zur Zeitlage 1915-1921", GA 24.

#18. См. "Меморандум" 1917 г, напечатанный в "Aufsdтze ьber die Dreigliederung..." GA 24 прим. 1.

#19. Брест-Литовск. Здесь 15 декабря 1917 г. было заключено перемирие между странами Германского блока и Россией.

#20. Вудро Вильсон (Wiison) 1856-1924, в 1913-21 гг. президент США. 14 пунктов Вильсона изложены в послании Конгрессу в январе 1918 года. "Союз трехчленности социального организма" ("Bund fьr Dreigliederung des sozialen

Organismus") был организован в Штутгарте.

ОБ АВТОРЕ

Рудольф Штайнер родился 27 февраля 1861 г. в Кралевице в Австро-Венгрии (ныне Югославия). После окончания реального училища в Винер-Нойштадте он переезжает в Вену, где получает основательное естественнонаучное и математическое образование, углубленно занимается философией, литературой, историей. В ранний период своей деятельности Р.Штайнер активно участвует в научной и художественной жизни Вены, позднее Веймара и Берлина. Человек необычайно широкого круга интересов, он общается со многими выдающимися людьми своего времени. В 1882 г. начинает работу над введением и обширными комментариями к естественнонаучным трудам Гете в Кюршнеровском издании "Немецкой национальной литературы". Эта работа имела важное значение для молодого Штайнера; в Гете он видел мыслителя, воззрения которого на природу "вели к переходу от естественных наук к науке о духе".

В этот период своей жизни он молчал о духовных восприятиях, открытых ему еще с детства. Поставив целью выразить свои познания о сверхчувственном в идеях, соответствующих современному образу мышления, Р.Штайнер развивал свое мировоззрение в строго философской форме. Плодами этой работы явились книги: "Основные черты теории познания Гетевского мировоззрения" (1886 г.), его докторская диссертация по философии "Истина и наука" (1891 г.) и особенно "Философия свободы" (1894 г.). Эти свои сочинения он характеризовал как важную промежуточную ступень между познанием чувственного и духовного мира. В них был обозначен путь мысли, которая отдается не впечатлениям физически чувственного внешнего мира, а только самой себе. В человеке тогда работает чистое мышление как живая в себе самой сущность.

С началом столетия начинается новый период в деятельности Р.Штайнера. Исходя из потребностей Духа Времени и глубинных запросов своих современников он принимает решение публично выступить с результатами своих духовных опытов. Для этого он принимает предложение войти в Теософское Общество в качестве генерального секретаря Немецкой секции, подчеркнув с самого начала, что все излагаемое им есть результат его собственных духовных исследований.

Вскоре появляются его основные духовнонаучные сочинения: "Теософия. Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека" (1904 г.), "Как достигнуть познания высших миров?" (1904-1905 гг.), в котором указывается путь духовного ученичества в упражнениях и медитациях, "Очерк тайноведения" (1910 г.), где с духовнонаучной точки зрения излагается космология и история человечества.

Все эти годы Р.Штайнер ведет интенсивную лекционную деятельность. Важнейшее место в ней занимают циклы лекций по христологии, в которых многосторонне освещаются значение Христа и мистерии Голгофы как центрального события в эволюции человечества. Различие в понимании значения Христа привело в 1913 г. к конфликту между руководством Теософского Общества и Р. Штайнером, в результате которого Р.Штайнер, а вместе с ним и

большая группа его последователей, вышли из Теософского Общества.

В том же году было основано Антропософское Общество, заложен краеугольный камень здания Гетеанума в Дорнахе (близ Базеля, Швейцария), куда с тех пор переместился центр антропософской деятельности. На строительстве здания Гетеанума в период первой мировой войны вместе работали представители восемнадцати народов Европы. Автором проекта и внутреннего оформления здания (росписей, витражей, пластических элементов) был Р.Штайнер, называвший Гетеанум "Домом Слова". Результатом его работы в сфере искусства стали постановки четырех написанных им драм-мистерий, новое искусство движения ("искусство видимой речи") - эвритмия, искусство речеобразования и рецитации, которые развивались при активном участии его ближайшей помощницы - Марии фон Сиверс-Штайнер.

После окончания войны, когда устои довоенной социальной жизни Европы были потрясены до основания, Р.Штайнер выступил с идеями о трехчленности социального организма. Принципиальные воззрения его в этой области изложены в книге "Основные черты социального вопроса" (1919 г.).

Тогда же им были даны важнейшие положения новой педагогики, основана первая Вальдорфская школа; в 1921 г. врачом Итой Вегман был открыт Клинико-Терапевтический Институт в Арлесхайме. В основе их лежало антропософское понимание существа человека.

В ночь на 1 января 1923 г. пожаром было уничтожено здание Гетеанума, что явилось ударом для Р.Штайнера и всего Антропософского Общества. На Рождество 1923 г. оно было коренным образом реорганизовано во Всемирное Антропософское Общество со Свободной Высшей Школой Духовной Науки.

Последний год жизни Р.Штайнера отмечен поразительной по своей интенсивности и разносторонности деятельностью. Он создает макет нового Гетеанума, который был построен уже после его смерти, читает циклы лекций по медицине, сельскому хозяйству, драматическому искусству, лекции для теологов и рабочих Гетеанума, с новых точек зрения развивает многие темы, разработанные им ранее, дает новые эзотерические указания для углубления внутренней жизни. Прикованный к постели, он тем не менее продолжает работать. "Мощным выдохом его духа" назвала это время его жизни Мария фон Сиверс-Штайнер.

Рудольф Штайнер скончался в Дорнахе 30 марта 1925 г.

В настоящее время во многих странах мира распространены Вальдорфские школы и детские сады, биологическо-динамическое сельское хозяйство, исключающее использование химических удобрений и способствующее восстановлению естественного плодородия почвы, антропософские клиники и фармацевтические фирмы, лечебно-педагогические учреждения, школы эвритмии и многое другое, что возникло из импульсов, данных Р.Штайнером.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

